

Олег Волков

ПРОКЛЯТЫЕ СОКРОВИЩА

Проклятые сокровища

Волков Олег.
Фантастический детектив.

Мир: «Догет 18».
Серия: «Особый порученец» - 1.

Аннотация

Турана Атиноу, молодого выпускника самого престижного университета Тиллуры для людей со сверхспособностями, к собственному удивлению распределили в сыскную полицию далёкого северного города.

Спустя два месяца рутины и бесконечного изучения служебных инструкций судьба, наконец-то, предоставила Турану первое по-настоящему серьёзное дело – раскрыть убийство уважаемого купца. Но! Всё не так просто. Семейные дразги и серые делишки, воровство и незаконная торговля оружием. Да ещё нишраны, дикий северный народ, и их легендарные сокровища.

Как раскрыть запутанное убийство уважаемого купца? Как найти ту единственную ниточку, которая поможет распутать весь клубок? А тут ещё старшая дочь губернатора положила на молодого сыщика глаз.

Оглавление

Проклятые сокровища.....	3
Глава 1. Мальчик-нишран	3
Глава 2. Путёвка в жизнь	4
Глава 3. Знакомство с губернатором	12
Глава 4. Первый рабочий день	20
Глава 5. Исслара Шандар	29
Глава 6. Трудное задание.....	33
Глава 7. Убийство купца.....	34
Глава 8. Заведение «Золотой индюк»	48
Глава 9. Ломбард «Последняя надежда»	57
Глава 10. Пытка похмельем	61
Глава 11. Первые итоги.....	66
Глава 12. На Срединной улице	66
Глава 13. На Набережной Свита	66
Глава 14. Трактир «Кило счастья»	66
Глава 15. На балу у губернатора.....	66
Глава 16. Утопленник.....	66
Глава 17. Ловля на живца	66
Глава 18. Вторые итоги	66
Глава 19. Ужин в «Навире»	66
Глава 20. Просветление	66
Глава 21. Логово вора-домушника	67
Глава 22. Деревня контрабандистов.....	67
Глава 23. Ночной налёт.....	67
Глава 24. Не самоубийство	67
Глава 25. Ключ от проклятых сокровищ	67
Глава 26. Трактир «Жирная селёдка»	67
Глава 27. Неудачное сватовство	67
Глава 28. Фактория нишранов	67
Глава 29. Два приятных известия	67
Об авторе.	68

Проклятые сокровища

Глава 1. Мальчик-нишран

Главное, не шуметь.

Вода в широком ручье настолько чистая, настолько прозрачная, что кажется, будто перед тобой маленький овражек с песчаными склонами и каменистым дном. Лишь едва-едва заметная рябь на поверхности намекает, что перед тобой ручей, да и цветные камешки на дне неестественно чистые и яркие. Возле продолговатого слоистого валуна словно маленькая вытянутая тучка висит чёрная рыбина. Полупрозрачные плавники тихо шевелятся. Appetитная рыбина то и дело открывает круглый беззубый рот. Выпуклые глаза настороженно шарят по сторонам, только она всё равно ничего не видит. Папа учил.

Чалн, мальчик-нишран из рода Дарос, осторожно, словно кошка, подкрался к ручью. Главное, не шуметь.

Папа учил: рыба из-под воды ничего не видит. Можно сколько угодно стоять на берегу, махать руками и корчить рожи. Она не заметит. Но! Стоит хотя бы легонько топнуть ногой или шмыгнуть носом, как она тут же стрелой метнётся в сторону и пропадёт в изгибах ручья и в россыпи камней на его дне.

Чалн склонился над водой. Правая рука сжимает длинную острогу, древко тщательно отполировано куском кремния, три маленьких зубца на самом конце загнуты назад. Сам делал, как папа учил. До рыбины в буквальном смысле рукой подать. Кажется, наклонись и возьми, но нельзя. Прежде, чем рука погрузится в студёную и прозрачную воду хотя бы до локтя, рыба заметит её и уплывёт. Вот почему бить её нужно острогой.

Впрочем, рыбину можно поймать и на удочку. Добротной сетью из прочных ниток было бы ещё легче, но Чалн специально пришёл к ручью с острогой. Он хочет, очень хочет, не просто наловить рыбы, а овладеть острогой.

Чалн осторожно опустил на правое колено. Ему очень, очень хочется стать взрослым. Тогда и только тогда папа будет брать его на охоту. Тогда и только тогда взрослые мужчины рода Дарос будут относиться к нему как к равному. Тогда и только тогда во время еды можно будет сидеть с ними рядом. Но о такой чести нечего и думать, пока он не овладеет острогой, пока не научится бить тюленей и нерп с одного раза. Когда тебе всего десять зим, то рыбалка с острогой в широком ручье с прозрачной водой самая лучшая тренировка. Папа учил.

От возбуждения и страха дрожат руки, кончики пальцев слегка покалывает. Большая аппетитная рыбина в соблазнительной близости. Чал плавно отвёл правую руку назад. Острога с загнутыми шипами уставилась точно в чёрный бок большой рыбины. Если повезёт, будет добрая добыча. Мама непременно обрадуется и погладит по голове.

Выдох и резкий тычок! Острога почти без всплеска проткнула водную гладь.

Ой! Чал едва не свалился в ручей вслед за острогой. Остриё воткнулось в дно ручья, песок и мелкие камешки брызнули в стороны. Три маленьких зубца лишь бессильно толкнули аппетитную рыбину в бок. Такая желанная добыча стрельнула плавниками и пропала, будто растворилась в студёной воде.

Как обидно! Из глаз едва не брызнули слёзы, Чалн шмыгнул носом. Это, это надо же... Опять забыл о водной обманке. Папа учил: целиться нужно не в саму рыбу, а чуть ниже. Тогда и только тогда попадёшь в неё. Но, Чалн тихо вздохнул, ничего не поделаешь. Да смилуется Пресвятая мать, да пошлёт удачу в другой раз. До вечера далеко, ручей длинный, аппетитная рыбина не могла уплыть далеко.

Чалн осторожно потянул острогу на себя. Пальцы едва не проскользнули по гладкому древку. Главное, не обломать загнутые зубцы, иначе тяжкий труд пяти дней навсегда останется в этом ручье. Песок на дне вспух серым облачком, маленькие цветные камешки рассыпались в сторону, но, Чалн осторожно пошевелил древком туда-сюда, что-то не отпускает острогу.

Придётся рискнуть, Чалн нахмурился. Потянуть чуть-чуть сильнее, пальцы на древке побледнели от напряжения. Ещё чуть-чуть! Песок на дне ручья взорвался большим облаком, из мути вынырнул конец остроги вместе с прямоугольной сумкой на длинном ремне. Загнутые зубцы уцепились за серую ткань.

Что это? Чалн аккуратно вытащил странную находку на берег. Чего только не бывает на белом свете. Некогда прочная ткань истончилась от времени. Чалн потянул ремень на себя. Подобные сумки делают люди, которые живут на той стороне Сантарского моря. Только они могут позволить себе переводить дорогую крепкую ткань на какие-то сумки. Тем более интересно.

Что внутри? Чалн освободил загнутые зубцы и аккуратно отложил острогу в сторону. От любопытства и предвкушения щемит в груди. Чалн перевернул сумку дном вверх. Серый клапан легко распахнулся, на траву серой массой высыпалось содержимое.

Какое разочарование, Чалн шмыгнул носом. Ничего интересного. Какие-то насквозь ржавые железяки и ошметки ткани. Бумага разбухла от воды и превратилась в серую кашу. Теперь она не годится даже на растопку. А это что? Чалн развернул серый узелок, наружу вывалился гладкий камешек насыщенного чёрного цвета.

Люди странные существа. И зачем они таскают с собой камни? Хотя... Чалн повертел странную находку в руке. Камешек очень даже примечательный. Ухватистый такой, размером с ладонь, треугольной формы. А если так? Чалн чиркнул тупым кончиком по валуну рядом.

О-о-о! Здорово! Чалн радостно улыбнулся. На шершавом валуне осталась чёрная полоска. Странный камешек отличная рисовалка. Это, это... От волнения сердце забило с утроенной силой. Да такое! Это сколько же можно валунов вокруг стойбища изрисовать.

Жгучее нетерпение крутым кипятком разлилось по груди и защипало коленки. Домой! Домой! Скорей домой, показать чудную находку Чигу и Гоге. Ни у кого из друзей такого нет. Просить будут. Но-о-о... Тяжёлый вздох. Чалн запихнул чудный камешек в карман тёплой меховой куртки, он обещал принести маме хотя бы одну большую рыбину. Взрослые охотники всегда держат данное слово. Всегда. Папа учил. А друзья подождут. Чалн поднялся на ноги.

Та чёрная рыбина не единственная в ручье, должны быть и другие. Главное, не шуметь. Вода в ручье и чистая и прозрачная. А ещё, Чалн двинулся вдоль берега, не забыть о водяной обманке. Папа учил.

Глава 2. Путёвка в жизнь

Старинная мебель в приёмной комнате ректора Раконского государственного университета поражает роскошью и величием. Диван на гнутых резных ножках очень удобный. Правая рука покоится на широком круглом подлокотнике, а спина утопает в мягкой спинке. Сидеть на старинном диване одно сплошное удовольствие, только, Туран Атиноу, двадцатипятилетний воспитанник университета, невольно поёрзал на месте, упорно кажется, будто из-под чёрной обивки выпирают тонкие, но очень острые гвозди.

Туран опять, в очередной раз, попытался устроиться поудобней. За спиной осталось семь долгих лет учёбы, а впереди полчаса ещё более продолжительного ожидания. Каждый год в начале июня мастер Ерпанов, ректор Раконского

университета, лично даёт воспитанникам последние наставления и отпускает в большой мир. Только почему так долго?

Туран скосил глаза. На левом краю дивана сидит Хик Олеж из 706 группы. Счастливчик, Туран отвернул лицо, для него томительное ожидание вот-вот закончится. Хик тонок и строен, как девушка. Внешне сокурсник спокоен и даже расслаблен, только на самом деле от него исходит сильное внутреннее напряжение, как у перекаченного надувного шарика, который вот-вот громко хлопнет. Нетерпение, страх и неуверенность капля за каплей просачиваются сквозь тонкие щели в пси-барьере Хика. Ещё чуть-чуть, неловкий поворот головы или неосторожное слово, и Хик заорёт дурным голосом, вскочит с дивана и рванёт в кабинет ректора словно разъярённый бык на красную тряпку.

Чего уж там, Туран нервно сжал и тут же разжал кулаки, его собственное эмоциональное состояние не намного лучше. Кажется, будто и у него в груди точно такой же перекаченный воздушный шарик. Тонкие каучуковые стенки дрожат от напряжения. Как бы самому не вскочить с дивана, пинком не распахнуть дверь в кабинет ректора и не рывкнуть во всё горло: «Какого чёрта!!!» Это будет очень глупо, Туран опять попытался устроиться на мягком диванчике поудобней. Создатель ведаёт, сколько ещё придётся сидеть на этом мягком с острыми гвоздями диванчике и с кислой миной на лице всё накачивать и накачивать воздушный шарик в груди.

Перед дверью в кабинет ректора, как раз напротив дивана, за массивным столом из тёмного дерева восседает угора Нолла, секретарша. Длинные волосы стянуты на затылке в тугий пучок, за нос зацепились очки в толстой оправе, длинные ногти сверкают кроваво-красным лаком. Туран невольно поёжился. Кажется, будто угора Нолла только что порвала очередного выпускника на куски. Эмоциональный фон далеко немолодой секретарши светится деловой сосредоточенностью и напускным спокойствием.

Угора Нолла не мастер, даже самые простые методы сокрытия собственного эмоционального фона ей недоступны. Другое дело, что она так долго живёт и работает среди мастеров и до такой степени научилась контролировать собственные эмоции, что временами кажется, будто за массивным столом сидит большая бездушная кукла в сером платье со стеклянными неподвижными глазами. Хотя, Туран с трудом подавил невольную улыбку, больше всего угора Нолла похожа на сторожевого пса перед воротами хозяйского амбара. Можно сколько угодно стоять на безопасном расстоянии, орать, ругаться и корчить рожи – даже не вякнет. Но! Упаси бог приблизиться, коснуться тяжёлого замка хотя бы пальчиком – тут же сорвётся с места и оттяпает руку. Она может.

Дверь в кабинет ректора с тихим шелестом распахнулась. Наконец-то! Туран резко повернул голову.

– Следующий! – долетел из глубин кабинета голос ректора.

В приёмную стремительным нервным шагом выскочил Пок Вист из 708 группы. Хик Олеж тут же резко сорвался с дивана. Эмоциональный фон выпускника на миг окрасился яркими цветами нетерпения, ужаса и надежды. Дверь в кабинет ректора мягко захлопнулась за спиной Хика Олежа. Но это ладно, Туран повернул голову, гораздо более интересен новоиспечённый мастер Тиллурской империи.

Пок Вист крайне недоволен. Бурные эмоции разорвали его пси-барьер к чёртовой матери. По приёмной комнате расплескались эмоции новоиспечённого мастера. Туран невольно наморщился, пальцы правой руки дотронулись до виска. Лицо у Пока Виста такое, будто ему вместо сладкого пирожка с клубничным вареньем подсунули чёрствую четвертушку чёрного хлеба, к тому же густо намазанную самой горькой горчицей. Пок Вист чувствует себя обманутым до глубины души. Былого страха перед ректором у него больше нет, зато есть

желание вернуться в кабинет и надавать мастеру Ерпанову по шее. Так часто бывает, почему-то. Туран с тоской глянул на большой серый конверт в руках Пока Виста. Эх, поскорей бы получить такой же.

Двадцать пять лет назад Туран родился в сельской глуши, в маленькой деревеньке с очень выразительным названием Дальнее. И действительно – дальше некуда. До Шоргана, ближайшего захудалого городка с населением меньше десяти тысяч человек, сотня километров по разбитой дождями и колёсами телег дороге. Ни синематографа, ни газет, ни фабрик, ни заводов в Дальнем отродясь не было. Каменный храм Великому Создателю за деревней на пригорке – единственная на всю округу достопримечательность. И тот нуждается в основательном ремонте.

До пятнадцати лет Туран понятия не имел, насколько велик и огромен мир за околицей его деревни, какие нешуточные страсти кипят на улицах больших городов, как далеко шагнули современные наука и техника. Ему не нужно было учить физику, химию, зубрить юриспруденцию, математику, чистить зубным порошком зубы, гладить рубашки и натирать чёрной ваксой ботинки.

Такой простой, тихий и уютный мир рухнул, когда в 15 лет у него проявились способности эмпата. В тот злосчастный день Туран вдруг заметил, что может читать эмоции людей как раскрытую книгу. Более того: Туран начал чувствовать односельчан и родственников даже в полной темноте или из-за толстых брёвен родительской избы. Деревенский священник настоятельно посоветовал родителям отвезти Турана в Шорган и показать городскому главе. Закон Тиллурь строг: под страхом вечной каторги запрещено укрывать подростков со сверхспособностями. Вот так Туран попал в Раконский университет.

Первые три года в стенах университета Туран провёл как во сне. Он и днём и ночью мечтал лишь о том, как, наконец, закончит учёбу и вернётся в родную деревню. Как, наконец, сбросит идиотские ботинки, сюртук и облачится в гораздо более привычные и удобные холщовые штаны и рубашку. Но!

На четвёртом курсе он вдруг понял, что никогда не вернётся в родную деревню. Учёба, хорошие манеры, ботинки, рубашки и бальные танцы выбили из него крестьянскую наивность, простоту и открытость. И кто он теперь? К какому социальному классу его можно отнести? Вопросы далеко не праздные. Учёба закончилась, а ответы на них так и не нашлись.

Неделю назад под туш местного гарнизонного оркестра отгремел выпуск 9255 года. На плацу перед главным корпусом наставники торжественно вручили молодым мастерам дипломы об окончании Раконского государственного университета. Однако паспорта и направления на службу мастер Ерпанов, ректор, выдаёт каждому выпускнику лично у себя в кабинете без лишней помпы и торжественных речей. Строго говоря, Туран опять поёрзал на мягком диване с острыми гвоздями, только здесь и сейчас он действительно закончит Раконский университет.

Без работы, Туран тайком бросил взгляд на угору Ноллу, он не останется. Другое дело куда его направят? Куда пихнут? А, главное, кем? Ответы за чёрной массивной дверью в кабинете ректора. Ну это ладно, самое печальное другое: самому не понятно, к чему лежит его душа, какому делу стоит посвятить свою жизнь? В Раконском университете он получил высшее образование, самое лучшее и престижное, какое только можно найти в Тиллурской империи. Но все эти семь лет его учили всему понемножку и ничему конкретно. С одинаковым успехом он может работать как счетоводом в каком-нибудь зачуханном земстве, чиновником для мелких поручений или городской главой заштатного городка с населением в два крестьянина и три с половиной коровы.

Ещё одно гадкое обстоятельство никак не даёт покоя: почему из двух сотен выпускников мастер Ерпанов вызвал его самым последним? Очень хочется

верить, что это всего лишь случайное совпадение. Ведь кто-то должен быть последним в очереди. А почему именно он? Туран последний не по алфавиту, не по возрасту, не по успеваемости. Не последний даже по происхождению и богатству. Однако мастер Ерпанов именно его ещё неделю назад задвинул в самый конец списка.

– Следующий!

Туран встрепенулся, это надо же было так погрузиться в собственные думы, что забыл обо всём на свете. Дверь в кабинет ректора распахнута. Странно, Туран нахмурился. Если Пок Вист выскочил из кабинета мастера Ерпанова хмурым и злым на весь мир, то Хик Олеж удивлён. Да, точно, новоявленный мастер Тиллурской империи медленно шагает через приёмную с широко распахнутыми глазами. Кажется, будто мастер Ерпанов только что доказал ему, будто Догет имеет форму чемодана. Сквозь прорехи в пси-барьере Хика Олежа струится растерянность. Да и бог с ним, Туран рывком соскочил с дивана. Сейчас его гораздо больше волнует собственная судьба.

Бывать в кабинете мастера Ерпанова доводилось не часто, и слава богу. Туран на деревянных ногах переступил порог. У дальней стены стоит тёмно-коричневый стол, книжные шкафы подпирают потолок, тяжёлая штора с длинной бахромой и лохматыми кисточками бордовой тучей нависает над окном.

Господи! Туран невольно поёжился. По спине сбежал неприятный холодок. За письменным столом ректора стоит узкий шкафчик с прозрачной дверцей. Конечно, страшен не сам шкафчик, а его содержимое. «Высшая мера» – так в университете называют плётку с тремя кожаными полосками. Орудие для публичной порки. Туран отвёл глаза, ни раз и не два собственной спиной и задницей довелось испробовать её вкус на глазах всего университета. Сильнее боли был позор, когда неделю не мог нормально сидеть на стуле. Хвала Великому Создателю, это было давно и неправда.

Мастеру Ерпанову, хозяину кабинета, недавно исполнилось 79 лет. Для человека со сверхспособностями вполне ещё работоспособный возраст. Ректор ростом не вышел, фигура у него не как у гвардейского офицера. Объёмный животик выпирает из-под тёмно-зелёного сюртука с бронзовыми пуговицами. Седые волосы аккуратно зачёсаны назад, старомодные бакенбарды топорщатся в стороны. Всем своим видом мастер Ерпанов показывает подрастающему поколению, как должен выглядеть представитель правящего класса.

Ни усов, ни бороды мастер Ерпанов не носит. Зато глаза, Туран невольно отвернул лицо в сторону. Взгляд старого воспитателя пронизывает насквозь. Когда мастер Ерпанов смотрит на тебя чуть сощуриив веки, то невольно возникает острое желание признаться в отлынивании от уроков, а заодно рассказать, кто на прошлой неделе разбил в туалете окно.

Как и полагается ректору единственного в Тиллуре университета для молодых людей со сверхспособностями, мастер Ерпанов эмпат. Прочитать что-либо в его эмоциональном фоне невозможно в принципе. На всякий случай нужно хотя бы попытаться успокоиться и усилить собственный пси-барьер. Туран на миг сосредоточился. Всего-то и нужно прикрыть глаза и представить вокруг себя прямоугольную пирамиду. Но... Куда там! Туран натужно выдохнул через нос. Когда в душе бушуют эмоции, когда грудную клетку распирает от страха и любопытства, нечего и думать о пси-барьере. Дай бог сохранить на лице деловое сосредоточенное выражение.

Мастер Ерпанов восседает за массивным столом. Руки в чёрных нарукавниках лежат на столешнице с зелёным сукном.

– Как я вижу, мастер Атиноу, – ректор сразу перешёл к делу, – вас раздражает бешенное любопытство. Вы понятия не имеете о собственном будущем и страстно желаете как можно скорее узнать о нём.

Попал пальцем в небо, Туран сдержанно улыбнулся. Последнюю неделю каждый выпускник на пороге этого кабинета переживает одни и те же эмоции.

– Не ободряйтесь, вы не один такой, – мастер Ерпанов снисходительно улыбнулся. – Половина воспитанников нашего университета выходцы с низов. Как и вы, впрочем. Мало кто из них может самостоятельно найти своё призвание. Не обратно же в деревню коз пасти. По этой причине появилась традиция выдавать выпускникам направления на службу.

На столе ректора рядом с набором для письма лежит большой серый конверт. Нетрудно догадаться, что спрятано под плотной бумагой.

– Одной из важнейших задач воспитателей нашего университета и моей лично является выявление способностей и предпочтений наших воспитанников, дабы помочь им с выбором дальнейшего места службы.

Туран старательно изображает статую. Правда, получается плохо, щёки пылают от волнения. До чего же ректор любит воду в ступе толочь. Сказал бы сразу: «За грехи твои тяжкие отправляю тебя в Телятнепас на должность старшего помощника младшего дворника». И дело с концом. Так нет же. Туран переступил с ноги на ногу.

– Если мы ошибаемся, а такое, поверьте, бывает редко, то молодой мастер вполне может сменить место службы.

Мастер Ерпанов говорит, говорит, словно дразнит голодную собаку сахарной косточкой. Да когда же ректор перейдёт к делу. Но! Приходится стоять и с благоговейным видом внимать словам старого, опытного наставника.

– Открою вам небольшую тайну, мастер Атиноу.

По мышцам руки и плеч словно пробежал электрический ток, Туран напрягся. Вот, только, небольшой тайны для полного счастья не хватало.

– Несколько высокопоставленных особ из самой Навиры, столицы нашей славной Империи, проявили к вам интерес. Вы пользуетесь спросом.

– Осмелюсь спросить, каким именно спросом? – с трудом вытолкнул из себя Туран.

От волнения голос скрепит как не смазанное колесо. Да и как тут не волноваться, когда твоей скромной персоной интересуются какие-то высокопоставленные особы аж из самой столицы.

– Мало мастеров в нашей империи, очень мало, – мастер Ерпанов хитро улыбнулся. – На всех не хватает. Считается, будто выходцы из крестьянского захолустья менее амбициозны и гораздо более преданы своему начальству. Каждый высокопоставленный чиновник мечтает заполучить в личные секретари эмпата. Иначе говоря, послушного исполнителя собственной воли, мальчика на побегушках. Хотите сразу получить направление в столицу?

Неожиданное предложение словно удар дубинкой по голове, Туран растерянно захлопал глазами. Как-то не думал, не знал, что подобное вообще возможно. Среди воспитанников университета хватает сынков родовитых аристократов и богатых купцов. А страшилкой о Телятнепасе больше и охотней всего пугают выходцев из низов. Чтобы простому деревенскому парню, который до первого курса понятия не имел, что на самом деле у него одна рука левая, а другая правая, да такое счастье? Сразу? Подозрительно.

– Не могу знать, – честно, как на духу, ответил Туран.

– Хорошо, что не можете, – мастер Ерпанов улыбнулся. – Должность личного секретаря при высокопоставленной особе знаменует собой карьерный тупик. Вы ещё слишком молоды и наивны, чтобы знать такие тонкости. Хотите всю жизнь протаскать за какой-нибудь особой портфель с особо важными бумагами?

Ещё один вопрос не в бровь, а в глаз. Туран сжал губы, есть над чем подумать. Мастер Ерпанов, словно преподаватель на экзамене по праву, терпеливо ждёт ответа. Только какого? В голове вдребезги разбился хрустальный

бокал. А-а-а вдруг ректор прав? Навира – мечта! Тёплое Лучезарное море, золотые пляжи, широкие проспекты и дорогие рестораны. Цитадель Стунга, коридоры власти, министры, канцлер и сам император Читан 5, правитель Тиллуры. И всё это великолепие в двух шагах. Достаточно сказать «Да» и уже завтра днём можно будет пнуть носком ботинка Парадные ворота Цитадели. Но-о-о... Туран нахмурился. Мальчик на побегушках до седых волос. «Да, мастер. Нет, мастер. Чего изволите, мастер».

Заново, будто в первый раз, Туран окинул взглядом кабинет ректора. Через широкое окно отлично виден зелёный сад. Верхушки столетних дубов достают до третьего этажа. Сквозь кроны проступают кирпичные стены учебного корпуса напротив. Семь лет Империя учила его, одевала и кормила. Семь лет учёбы за высокими кирпичными стенами и крепкими кованными воротами. И ради чего, собственно?

– Сразу же оказаться в столице, – осторожно заговорил Туран, – было бы очень здорово. Но-о-о... Не такой ценой.

Ответ невероятно понравился мастеру Ерпанову. На краткий миг пси-барьер ректора пошёл трещинами. Мастер Ерпанов с шумом выбрался из-за массивного стола.

– Хорошо, – мастер Ерпанов подхватил со стола длинную указку, – тогда я определяю вас на службу в Снорскую губернию в должности следователя сыскной полиции города Снора.

Кончик деревянной указки ткнулся в маленький красный кружок на самомверху большой карты Рунии. Снорк находится в северо-западном углу материка, на берегу студёного Сантарского моря.

Глаза от удивления едва не вылезли из орбит. Туран в немом ступоре уставился на карту. Сыскная полиция? Да ещё где – глухомань, тайга, болота, гнус и медведи. Двенадцать месяцев зима, всё остальное лето. Край тюрем, каторжных острогов и каторжан. Снорская губерния всего лишь шестьдесят лет назад вошла в состав Империи. Дыра! До Снора нет даже железной дороги.

– Вы удивлены? – мастер Ерпанов бросил указку обратно на стол.

– Не то слово, – Туран едва не подавился собственной слюной.

– Напрасно, уважаемый, напрасно. Для работы в сыскной полиции вы подходите как нельзя кстати. Вы обладаете въедливым любопытством и очень быстро соображаете. Да не расстраивайтесь так, уважаемый. Вас ждёт интересная, насыщенная жизнь. Будет о чём внукам и правнукам рассказать.

Куда уж насыщенной, Туран шмыгнул носом. До внуков и тем более правнуков ещё дожить надо. Как бы голову в кустах не оставить.

– С моей стороны будет маленькая просьба, – мастер Ерпанов остановился возле стола, взгляд ректора словно проткнул голову, – проработайте в сыскной полиции хотя бы год. Один только год. Если служба не придётся вам по нраву – возвращайтесь. Я лично выпишу вам направление в Навиру. Слово дворянина. Договорились?

Предложение, прости господи. Северный город далеко не столица, да и до столицы далеко. Ужас как далеко. Но мастер Ерпанов только возглавляет университет больше тридцати лет. Очень хочется поверить ему на слово, тем более на слово дворянина.

– Договорились, – тоном обречённого на казнь произнёс Туран.

– Я был уверен, что вы примете правильное решение, – мастер Ерпанов протянул большой серый конверт. – Вот ваши документы. И последнее: мастер Шандар, губернатор Снорской губернии, буквально в первый же день предложит вам перейти под его начало, занять должность его личного секретаря. Не соглашайтесь! – мастер Ерпанов махнул указательным пальцем перед носом. –

Помните о своём обещании – как минимум год. Ну или хотя бы о должности личного секретаря при куда более важной особе в самой Навире.

Туран взял конверт. Пальцы предательски дрожат. Под плотной бумагой прощупывается корочка вожделенного паспорта и тощая стопочка купюр.

– Благодарю вас, – Туран вежливо поклонился. – Разрешите идти?

– Да, да, вы свободны, – мастер Ерпанов махнул рукой.

Туран торопливо выскочил из кабинета ректора, пальцы ещё крепче сжали вожделенный конверт.

***

Наконец-то! Ерпанов, ректор Раконского государственного университета, с превеликим облегчением откинулся на мягкую спинку кресла. Наконец-то последний в этом году новоиспечённый мастер покинул кабинет и отправился в большой мир к карьерным вершинам славы и богатства.

Свежеиспечённые мастера каждый раз по-разному воспринимают направление на службу. Кто-то едва не плачет от горя, кто-то горит желанием вернуться и настучать по шее, а кто-то едва ли не прыгает от радости и готов станцевать на столе танец живота. Упаси господь от такого зрелища, Ерпанов невольно улыбнулся. А вот реакция Турана Атиноу очень даже порадовала. Мальчишка упрямо силился удержать собственный пси-барьер. Да куда уж там! Было бы очень плохо и печально, если бы эмоциональный фон мастера Атиноу окрасился бы цветами жалости к самому себе, к загубленной жизни, страхом или отчаяньем. Ещё хуже было бы полнейшее равнодушие. Но нет: Туран Атиноу удивился, куда уж без этого, но не расстроился. Очень, очень хороший признак.

Сейчас бы домой, Ерпанов мечтательно закатил глаза. Велеть бы крепкого чаю с бубликами, присесть бы в любимое кресло в библиотеке возле камина и... как следует отдохнуть бы с пухлым бумажным томиком в руке. Отправить во взрослую жизнь 189 молодых мастеров – тяжкий труд. Вот уже тридцать четыре года он лично вручает каждому выпускнику паспорт и направление на службу. Каких высот спустя годы достигают бывшие воспитанники, какие дела творят на самом высоком уровне. Расслабляться ещё рано, осталось ещё одно очень важное дело.

Ерпанов сел прямо. Золотое перо нырнуло в чернильницу. Крупным каллиграфическим подчерком на белом листе Ерпанов вывел: «Ваша просьба удовлетворена. Мастер Туран Атиноу направлен мною в Снорк для службы следователем сыскной полиции». Ниже широкая неразборчивая подпись.

Золотое перо в очередной раз нырнуло в чернильницу. На конверте появился адрес: «Навира. Обер-полицмейстеру Игнису Канзичу Тирзану». Чуть ниже очень важная приписка: «Лично в руки».

Мастер Тирзан, Ерпанов опустил золотое перо на подставку, большой человек. Далекое не каждому по плечу пост начальника столичной полиции. Но и ректор Раконского университета, Ерпанов самодовольно усмехнулся, далеко не последний человек в Империи.

Раконский университет – единственное учебное заведение в Империи, которое наставляет молодых людей со сверхспособностями на путь истинный. Без должного воспитания, образования любой из них может таких дел наворотить. Таких! В недалёком прошлом именно невоспитанные и необразованные мастера с низов трясли основы общества. Ерпанов склонил голову, взгляд упал на узкий шкафчик рядом со стулом. За прозрачной дверцей плётка с тремя кожаными полосками отсвечивает отполированной рукояткой.

Тридцать четыре года он возглавляет Раконский университет. В своё время этой самой плёткой довелось пороть и ныне действующего канцлера Истилла и самого обер-полицмейстера Тирзана. Помнят воспитанники, кто им в задние ворота ума загнал, кто на путь истинный наставил, кто путёвку в жизнь дал.

Обратный адрес на конверте – самая лучшая гарантия, что обер-полицмейстер столицы лично вскроет его.

Немного капнуть сургуча и поставить личную печать. Ерпанов грузно поднялся из-за стола. Домой, домой и только домой. В отпуск. На неделю, не меньше. В приёмной Ерпанов остановился перед столом угоры Ноллы.

Уважаемая, – Ерпанов опустил на стол секретарши запечатанный конверт, – наклейте марки и отправьте как можно быстрее.

– Будет исполнено, – любопытные глазки угоры Ноллы уставились на адрес получателя.

***

Утро. Прекрасное летнее утро. Длинные тени от тонких вязов укрыли каменные плитки аллеи тёмной сетью. Центральные ворота Раконского университета распахнуты. В правой ладони зажата ручка маленького чемоданчика. Туран вышел на подъездную аллею. Ботинки тихо вступили на каменные плитки. Но через пару шагов Туран остановился и обернулся.

До поезда на Навиру осталось полтора часа. Ещё нужно успеть через весь город на вокзал. Придётся идти пешком, извозчик денег стоит. Нужно торопиться. Но... Ни с того, ни с чего захотелось остановиться возле кованых ворот и последний раз взглянуть на такой, такой, Туран задумался, на такой родной и до боли знакомый университет.

Маленький городок Ракон примостился на берегу Юрлы, тихой реки с пологими берегами. Когда-то он был родовым именем князей Раконских. Только больше пяти веков тому назад последний представитель древнего аристократического рода благополучно отошёл в мир иной и не оставил после себя ни одного законного наследника. Зато всплыла большая куча долговых расписок и неоплаченных счетов. Никто из дальних родственников так и не захотел стать новым князем Раконским и тем самым взвалить на себя тяжкое финансовое бремя.

Империя выкупила старый замок с кирпичными стенами, рвом и высокими башнями по периметру. Так родовое гнездо князей Раконских стало университетом. Некогда неприступную цитадель на вершине холма перестроили и существенно расширили. Казармы для солдат превратились в жилые корпуса для воспитанников и прислуги. Огромный трапезный зал, где когда-то князя закатывали роскошные пиры, стал университетской столовой с длинными столами на десять учеников. Говорят, кабинет и приёмная ректора когда-то были личными покоями князей. Ров с водой превратился в декоративный пруд с горбатыми мостиками над тихой водой. Вокруг крепостной стены разбили сад. Новая кирпичная ограда с коваными воротами очертила территорию университета.

Раконский государственный закрытый университет – самый лучший, самый престижный университет Империи. В него невозможно попасть ни за какие деньги. Не помогут никакие связи и богатая родословная. Зато тех, кто умеет читать чужие эмоции, кто усилием воли передвигает камни или взглядом зажигает пучки соломы, принимают в университет совершенно бесплатно и на полное государственное обеспечение.

Сейчас в университете живёт и учится больше двух с половиной тысяч воспитанников. Будущая элита Тиллурской империи. Среди них хватает отпрысков знатных фамилий, чьи списки предков насчитывают десятки колен. Однако большая часть воспитанников выходцы с низов, сыновья фабричных рабочих, крестьян и батраков. Как и сам Туран.

У каждого воспитанника в обязательном порядке маленькая комната с окошком, скрипучая кровать и письменный стол с изрезанной столешницей. Раз в неделю общая баня с деревянными тазиками, одна на всех столовая и общие

туалеты на каждом этаже. Раконский университет славится строгим уставом. Каких-либо поблажек лишены даже сыновья императора.

Туран прожил в университете семь лет. За эти годы из простоватого деревенского парня его переделали в образованного дворянина. Только не стоит обольщаться: Империя кормила, учила и воспитывала его только для того, чтобы он не вздумал бунтовать и кусать руку, которая вскормила его. В недалёком прошлом непризнанные мастера ни раз и не два подбивали крестьян на бунт и вели повстанческие армии на столицу. Правящий класс нехотя, со скрипом и скрежетом, пошёл на уступки и бросил мастерам с низов косточку.

Нужно признать, Туран криво усмехнулся, очень вкусную косточку, сахарную, с кусочками парного мяса. Вместе с дипломом о высшем образовании и хорошими манерами Туран получил титул персонального дворянина. Перед ним раскрыты все без исключения двери государственных учреждений. Его с удовольствием примет любое дворянское собрание любого города, городка или села. Теперь ему гораздо выгодней делать карьеру, сколачивать личное состояние, вращаться в благородном обществе, а не подбивать голытьбу на бунт.

Всё это так, Туран поудобней перехватил ручку чемодана. Только, вот, непонятно: понравится ему служба следователем в сыскной полиции или нет? Туран так и эдак размышлял над странным направлением весь вчерашний вечер и большую часть ночи, однако так и не пришёл к однозначному ответу. За тяжкими размышлениями даже не заметил, как уснул прямо на заправленной кровати. Но и утром, с первыми лучами Ягиры, ответ так и не пришёл ему в голову. Да и как можно размышлять о том, о чём имеешь весьма и весьма смутное представление. В Дальнем, в родной деревне, староста Ратаг – единственный представитель власти. Да и его выбрали лишь за то, что в армии его научили писать и читать.

Хватить стоять на месте, Туран зашагал по подъездной аллее. Пока в его активе добротный шерстяной сюртук, чемодан с парой сменного белья, паспорт во внутреннем кармане сюртука, там же полторы сотни виртов, направление на службу и весь мир у ног. Семь лет ему твердили, что он – представитель правящего класса. Элита! Но каково на самом деле быть этим самым представителем? Элитой? Впрочем, очень скоро он это узнает.

Туран свернул на тротуар у дороги. Дальше по улице, в просвете между ветвями дубов и вязов, выступают маленькие словно игрушечные домики состоятельных горожан Ракона. А ещё дальше, под горой, проглядывает лента Юрлы. Маленькое речное судно с треугольным парусом скользит по речной глади.

Глава 3. Знакомство с губернатором

До места назначения, до далёкой северной окраины Тиллуры, Туран добирался две недели. Увы, в Навире прямо с поезда пришлось бежать на пароход. Времени поглазеть на столицу и её достопримечательности не осталось вовсе. Зато! Неблизкое морское путешествие показалось развлекательным круизом.

После комнатки в университете с единственным окном и скрипучей кроватью каюта второго класса показалась верхом изысканности и комфорта. Широкая постель с белыми и душистыми простынями и наволочками, мягкое кресло возле большого иллюминатора, через который в каюту свежий ветер то и дело заносил запах моря. Особенно понравились персональный туалет и раковина для умывания. Никаких утренних очередей и недовольного визга страждущих за запертой дверью.

Смешно вспоминать: когда-то простому деревенскому парню университетская столовая показалась раем. Не из общего котелка с родителями и под строгим

надзором старших братьев, а из персональной тарелки, да ещё и с чудной вилкой. Но! Только в ресторане парохода на Турана наконец-то снизошло понимание насколько скромна и даже убога университетская столовая. Вместо дешёвых тарелок из стекла и стальных ложек аристократический фарфор и столовое серебро. А блюда, какие изысканные блюда готовили в ресторане. Если картошка, то не просто варёные клубни, а тонко порезанные хрустящие ломтики. Котлеты... Страсть, а не котлеты – отбивные, поджарки. Паштеты и салаты, утиные ножки в бумажных колпачках на косточках и варёные крабы. Воистину, кулинария – самое вкусное из всех искусств.

Империя оплатила проезд с пропитанием, но, к превеликому сожалению, без спиртного. Скромный бюджет не позволил приобщиться к дорогим марочным винам и столетним коньякам, только вздохнуть их божественный аромат. Зато пиво в больших прозрачных бокалах кажется ещё вкуснее. В кабачке вдовы Кокор, куда Туран с товарищами по университету заглядывал время от времени, подобного божественного пива отродясь не было.

А общество, в каком респектабельном обществе довелось прожить целых две недели: дворяне и аристократы, состоятельные купцы и богатые промышленники, подтянутые офицеры и высокопоставленные чиновники. Дочки состоятельных пассажиров в дорогих штучных платьях и модных шляпках буквально расстреляли Турана очаровательными глазками. Пусть каждая девица внешне сама воспитанность и благоразумие, зато у каждой изнутри бьёт дикий интерес. Пусть Туран всего лишь персональный дворянин без связей, службы и покровителей, зато он мастер. А, значит, по мнению девиц и, особенно, их мам, многообещающий жених.

Стыдно, стыдно признаться самому себе: в Навире на пароход сел скромный выпускник, а в Снорке на берег сошёл уверенный в себе молодой дворянин. Туран окунулся в благовоспитанное общество, отведал его блюд и вкусил комфорт бытия. Быть представителем правящего класса очень и даже очень здорово. А подняться ещё выше, достигнуть высот и сколотить приличное состояние – ещё лучше.

Прямо с пристани Туран отправился в канцелярию губернского правления. Помощник председателя казённой палаты выдал подъёмные триста виртов и подсказал, где можно недорого снять очень хорошую квартиру. И вот теперь Туран неторопливо поднимается по широкой каменной лестнице на третий самый престижный этаж дорого доходного дома. В груди зреет, зреет, цветёт и пахнет предвкушение чего-то неизвестного, но наверняка очень приятного. Утус Заргос, домовладелец, угодливой болонкой вертится возле ног.

Владелец доходного дома трещит не умолкая ни на секунду. Утус Заргос самозабвенно нахваливает и нахваливает предлагаемую квартиру. Она и такая, и сякая. А какая там добротная мебель, а какой вид из окна, а какие благовоспитанные и благородные соседи. Если верить домовладельцу, то сам император Читан 5, правитель Тиллуры, не постеснялся бы жить в такой квартире.

Туран ещё в глаза не видел предлагаемого жилья, но уже точно знает, сколько в квартире комнат, что кровать в спальне на пружинах, полы не скрипят, а в ванной комнате висит огромное зеркало. Эмоциональный фон утуса Заргоса светится самой чистой неподдельной радостью, будто не квартиру сдаёт, а выдаёт замуж единственную дочь за богатого и очень влиятельного князя. На площадке между вторым и третьим этажами Туран не выдержал и остановился.

– Скажите, уважаемый, – Туран положил левую ладонь на изгиб перил, – объясните, с чего это вы так радуетесь? Я не высокопоставленный чиновник, не купец и не торговый представитель богатого купца. У меня официально и должности нет.

– Ах! Мастер, – утус Заргос словно проглотил очень вкусную конфету, – от вас невозможно что-либо скрыть. Буду откровенен: среди богатых квартиросъёмщиков хватает откровенного жулья. Увы! Увы! Мне частенько приходится буквально преследовать некоторых жильцов, дабы угрозами и посулами вытрясти очередную плату.

Вот, пожалуйста, за примером не нужно далеко ходить – утус Нитан. Какой состоятельный господин. Был. Пальто дорогое носил, часы золотые на цепочке длинной носил. Шапка бобровая, с отливом. Так мало того, что задолжал плату за четыре месяца, так ещё и сбежал не заплатив. Спустил из окна чемоданы на верёвке, как ни в чём не бывало прошёл мимо Данса, дворника моего, и был таков.

– Ну а с чего вы решили, будто я как утус Нитан не спущу свой чемодан на верёвке и не сбегу? – Туран улыбнулся.

– Ах, мастер, шутить изволите, – домовладелец угодливо улыбнулся жёлтыми зубами. – Всё, что от вас потребуется, так это в конце каждого месяца подписывать счёт. Казённая палата будет платить за вас. Для меня лично это означает никаких, – эмоциональный фон утуса Заргоса расцвёл от счастья как роза в мае, – никаких задержек с квартплатой. Откровенно говоря, вы – идеальный квартиросъёмщик. Впрочем, мы пришли.

Утус Заргос торжественно распахнул входную дверь. В нос тут же ударил приятный запах хвойного мыла. Туран прошёлся по комнатам, посмотрел в окна и заглянул в ванную. Да-а-а, если домовладелец и приврал, то совсем, совсем немного.

Квартира подобна дворцу в миниатюре. Высокие потолки, красивые обои с тёплыми шафрановыми обоями и мягкие ковры на паркетном полу. Из просторной прихожей бесшумные двери ведут в три комнаты. В спальне широкая кровать недвусмысленно намекает, что на таких белоснежных перинах и воздушных подушках грех спать одному. Кабинет приятно удивил строгой отделкой стен, толстыми шторами и массивным письменным столом с парой глубоких кресел для посетителей. Особо приятно то обстоятельство, Туран сдвинул штору в сторону, что окна выходят на север. Яркие лучи прекрасной Ягиры не будут заливать кабинет потоками света, слепить глаза и мешать долгой, но обязательно плодотворной работе.

А ванная комната ещё лучше, чем на пароходе. Туран повернул кран, в большую чугунную ванную на фигурных ножках в виде лап льва тут же полилась прозрачная струя воды. На полу керамическая плитка приятного голубого цвета. И зеркало, и в самом деле большое зеркало едва ли не во всю стену. Туран провёл пальчиком по белоснежной полукруглой раковине под зеркалом. Нигде и никогда жить в подобной роскоши ему не доводилось. До пятнадцати лет даже не подозревал о существовании ванн и унитазов.

– Хорошо, уважаемый, – Туран вышел из ванной комнаты, – я согласен снять вашу квартиру на полгода.

– Вы не пожалеете! – домовладелец едва не описался от радости. – Не извольте беспокоиться. Устраивайтесь, устраивайтесь поудобней. Вечером, вечером оформим все бумаги. А сейчас отдыхайте, отдыхайте с дороги.

Восторженный треск домовладельца стих только вместе с хлопком входной двери. Туран подошёл к окну. Самодовольная улыбка распирает губы. Сквозь перекрёстье деревянной рамы хорошо виден трёхэтажный дом с фигурной лепниной на той стороне улицы. Ещё дальше, поверх серой крыши, выглядывает зелёный кусочек кровли Губернаторского дворца.

Как Туран успел узнать доходный дом с этой чудной квартирой находится на улице Северный вал на Речной стороне. Центр Снорка, самый престижный и дорогой район, между прочим. Наверняка помощник председателя казённой

палаты, который посоветовал обратиться к утусу Заргосу, получит от домовладельца хорошую мзду. Уж не без этого, Туран усмехнулся. Ну да ладно.

За трёхкомнатную квартиру в центре города с паровым отоплением, водопроводом и канализацией, с полным пансионом, уборкой и приходящей домработницей казённая палата ежемесячно будет выплачивать утусу Заргосу 157 виртов. За подобную сумму в Навире, в столице Тиллуры, пришлось бы довольствоваться либо скромной однокомнатной квартирой на относительно престижной окраине, либо ютиться в ещё более скромной комнатухе на чердаке не слишком дорогого дома недалеко от центра Навиры. Жизнь на далёкой окраине огромной империи имеет свои плюсы. Один из них – дешёвизна.

Робкий стук в дверь оторвал от размышлений. Кто это может быть? Туран слегка сосредоточился. Перед внутренним взором тут же возник образ человека перед входной дверью. Не домовладелец, точно. Человек на лестничной площадке нерешительно переминается с ноги на ногу и страшно робеет. Но при этом его распирает дикое любопытство.

– Входите, открыто! – Туран отвернулся от окна.

– Мастер Атиноу, – из приоткрытой двери показалась пугливая физиономия дворника Данса, крепкого мужика с тщательно выбритым лицом и обширной лысиной на макушке. Поверх поношенной рубашки с закатанными рукавами дворник одел чёрный фартук. – Вам письмо от мастера губернатора.

– Прошу, заходите, – Туран едва сдержал неуместную улыбку.

Дворник неловко протиснулся через едва приоткрытую дверь. Лямка чёрного фартука едва не зацепилась за ручку.

– Извольте получить, – Данс протянул белый конверт. – Велено передать вам лично в руки как можно скорее.

– Благодарю вас, уважаемый, – Туран опустил в протянутую ладь гривенник.

– Благодарствуйте, – Данс угодливо поклонился и так же неловко выскользнул обратно на лестничную площадку через едва приоткрытую дверь.

Чаевые – ещё одна привычка и обязанность богатых людей. На пароходе дворяне и офицеры регулярно вознаграждали прислугу мелкими монетками. По началу столь изысканное унижение вызвало в душе Турана удивление, но очень скоро всплыл истинный смысл чаевых. Мелкие подачки быстро складываются в весьма ощутимую прибавку к жалованию простых людей и побуждают их работать быстрее и лучше. Монетка в десять совиртов гарантирует, что в следующий раз дворник Данс быстро и с превеликим удовольствием доставит письмо, а не «забудет» о нём на денёк другой.

Туран с интересом уставился на белый конверт. От губернатора? К чему бы это? Внутри прямоугольный листок с волнистыми узорами, глаза быстро пробежали по коротенькому приглашению. Удивительно, Туран вложил листок обратно в конверт, не прошло и трёх часов, как он сошёл с парохода, а его уже пригласили на личный приём к губернатору. Впрочем, если разобраться, ничего удивительного. В далёкой северной губернии людей со сверхспособностями очень мало. В Снорке живёт двести пятьдесят тысяч обывателей, но среди них вряд ли наберётся хотя бы четыре десятка мастеров.

Часы на стене в гостиной показали начало третьего часа по полудню, большая стрелка едва отошла от цифры два. До приёма осталось чуть меньше четырёх часов, вполне достаточно, чтобы обновить гардероб. Туран придирчиво оглядел себя в большом зеркале в прихожей. Чёрный шерстяной сюртук с блестящими пуговицами и брюки с едва заметными стрелками для скромного воспитанника в самый раз. А вот для государственного чиновника, да ещё и мастера, бедновато будет. Нужно купить что-нибудь по дорожке и представительней. Да! Ещё ботинки. Особенно ботинки. Чтобы блестели, чтобы губернатор разглядел в них собственное отражение. О том, насколько богат и

влиятелен человек в первую очередь судят по ботинкам и часам. Жаль, ещё не скоро получится вытащить из кармана золотые часики, а вот переобуться следует как можно быстрее.

***

Новенькие ботинки приятно поскрипывают на ходу. Свежий ветерок не менее приятно обдувает разгорячённое от волнения лицо. Туран неторопливо шагает по Срединной улице по направлению к центру Снорка. Можно было бы и быстрее, но глаза сами собой то и дело шарят по сторонам. Новые впечатления, дома, люди, тучи над головой льются на Турана маленьким водопадом. Раньше почему-то казалось, будто по улицам далёкого северного города обязательно должны бродить бурые медведи, тучами виться гнус, а жилые дома непременно деревянные, старые и кривые. Но нет, Снорк приятно удивил.

Да, в столице губернии хватает деревянных домов, кривых и старых, но крепких крестьянских изб за высокими заборами и лающими во дворе собаками гораздо больше. Речная сторона, центр города, целиком застроена вполне современными трёх, четырёх и даже пятиэтажными домами. Особо выделяется Деловой центр, высоченное здание на Адмиральской площади. Прямые улицы и перекрёстки. Проезжая часть и тротуары вымощены камнем. Газовые фонари на чёрных высоких столбах и широкие витрины магазинов. Как бы то ни было, а Снорк вполне современный и далеко не бедный город.

Срединная улица вывела на Адмиральскую площадь. По левую руку возвышается мрачное трёхэтажное здание в форме буквы «П». Высокое крыльцо с каменными перилами. Окна первого и цокольного этажей забраны стальными решётками. От серых стен веет строгостью, законом и страхом. Управление полиции, Туран поднял голову, его будущее место работы. Впрочем, местный оплот правопорядка ещё успеет надоесть. Куда больший интерес вызывает величественное здание по правую руку. Туран неторопливо прошёлся по Адмиральской площади.

Губернаторский дворец, резиденция губернатора и присутствие губернского правления. Вокруг величественного здания буквально витает запах власти. Парадная сторона дворца выходит на Адмиральскую площадь. Три этажа кабинетов, приёмных и коридоров. На зелёных стенах ослепительной белизной выделяются фальшивые колонны и широкие карнизы. На высоком крыльце швейцар в красном парадном мундире выпроваживает последних просителей. Едва пробьёт шесть, как многочисленные чиновники покинут свои кабинеты и разбегутся по домам.

Губернатор живёт здесь же. Его личные покои находятся в левом крыле дворца, которое поворачивает на Набережную Свита. Наверно, из кабинета хозяина губернии открывается великолепный вид на речной простор. Перед тем, как влить свои воды в студёное Сантарское море, Витака расходится широкой десятикилометровой полосой.

Точно в шесть часов по полудню Туран постучал в большую парадную дверь с массивными створками. К высокому начальству лучше всего приходиться в точно назначенное время. Сердце с последним ударом едва не выскочило из груди. И на кой чёрт, спрашивается, он потребовался губернатору?

Да-а-а... Туран вслед за слугой в зелёной ливрее прошёлся по личным покоям губернатора. Трёхкомнатная съёмная квартира потому и показалась роскошной, что ни разу в жизни не довелось лицезреть настоящую роскошь. Один только вестибюль поразил гранитными половыми плитками и шёлковыми шторами на окнах.

Широкая лестница с белыми колоннами и длинный коридор привели в гостиную с зелёными обоями, диванами и большим карточным столом.

– Приветствую вас, мастер Атиноу, – мастер Шандар шагнул на встречу.

Губернатор Снорской губернии, высокий тощий мужчина в годах, одет в добротный штучный сюртук. Низкий подол скрашивает чересчур длинные ноги, от чего кажется, будто мастер Шандар ходит на ходулях. Пси-барьер губернатора похож на неприступную крепость. Что на душе у хозяина самой северной и обширной губернии понять невозможно. А с таким каменным лицом только в покер играть.

– Добрый вечер, мастер Шандар, – Туран вежливо склонил голову. – Для меня большая честь посетить ваш дом.

– Не стоит, любезный, не стоит. Разрешите познакомить вас с моей семьей.

За губернатором, словно преданная армия за полководцем, выстроилось многочисленное семейство: три жены, сын лет пяти и целых шесть дочерей. Туран нервно сглотнул, три из них на выданье.

– Динара Шандар, моя первая супруга.

Высокая женщина слева сделала реверанс, подол длинного нежно-голубого платья качнулся из стороны в сторону.

– Вигира Шандар, моя вторая супруга.

В голосе губернатора едва угадывается хорошо спрятанная гордость. Никого не пропуская, мастер Шандар представил своё многочисленное семейство. Хотя, Туран в очередной раз машинально склонил голову, ничего удивительного: чем более высокое положение занимает мужчина, тем больше у него жён и детей. Особенно стараются мастера. Бог даст, среди пяти-шести отпрысков хотя бы в одном проснутся сверхспособности.

– Мой сын и наследник Варг, – мастер Шандар наконец-то дошёл до самого младшего.

На миг пси-барьер губернатора пошёл трещинами. Наружу выскользнули гордость, большая любовь и затаённая надежда. Мастер Шандар сильно привязан к своему единственному сыну и глубоко, глубоко в душе надеется, что у него проснутся сверхспособности. Ибо тогда и только тогда Варг унаследует не только его капиталы, но и положение в обществе. Губернатор спохватился, его пси-барьер вновь превратился в неприступную крепость, а на лице будто выросла каменная маска.

Многочисленное семейство губернатора фонтанирует эмоциями. Маленький Варг вертится от нетерпения и откровенно скучает. Больше всего ему хочется как можно быстрее скинуть неудобный сюртучок и умчаться обратно в свою комнату к любимым игрушкам. Три младшие девочки проявляют ни чуть не больше интереса и также сверкают желанием поскорей убежать. Зато три старшие дочери, и особенно их мамы, излучают жгучее любопытство.

Туран невольно поёжился. Под перекрёстным взглядом шести пар глаз невольно чувствуешь себя породистым жеребцом на базаре, к которому приглядываются и прицениваются жуть как придирчивые покупатели. Вот она истинная причина нежданного приглашения: мастер Шандар не знакомит молодого чиновника со своей семьёй, а показывает почти взрослым дочерям и жёнами потенциального мужа и зятя. Когда у тебя шесть, прости господи, дочерей, то выдать их замуж большая проблема. Во попал.

– А где Исслара? – громогласный рык губернатора разнёсся по гостиной. – Какого... её нет?

Не самое культурное слово в последний момент едва не сорвалось с губ мастера Шандар.

– Не могу знать, – скороговоркой произнесла первая жена, Динара Шандар, кажется. – Я лично передала ей ваше указание быть сегодня вечером дома. Но она не пришла.

Та-а-ак, ещё интересней, Туран стрельнул глазами в разные стороны. У мастера Шандар не шесть, а семь дочерей. Причём эта самая Исслара не иначе

весьма и весьма своенравная девица, раз открыто пошла поперёк воли отца. И как ей это удаётся? Было бы интересно взглянуть на неё.

Мастер Шандар недовольно поморщился, сквозь щель в пси-барьере проскочила закоренелая досада. Что интересно, ни капли удивления или хотя бы раздражения. Губернатор прекрасно знал, что Исслары может и не быть на приёме, а потому ничуть не удивился. Наверно, только присутствие постороннего удерживает его от очередной лекции о воспитании в детях послушания и уважения к воле родителя.

– Ладно, с ней я разберусь позже, – мастер Шандар повернулся к Турану. – Прошу вас в мой кабинет.

Представление закончено. Едва Туран вышел вслед за губернатором из зелёной гостиной, как женщины разом загомонили. Громкий шёпот на миг перебил топот детских ножек и восторженный вопль самого младшего в семье Шандар.

Да-а-а..., Туран искоса огляделся, если уж роскошь, то во всём. По размерам кабинет мастера Шандар больше съёмной квартиры. Один только письменный стол с просторной тёмно-коричневой столешницей загородил бы ванную комнату. Высокие книжные шкафы в тон столу плотно забили бы гостиную. Широкий ковёр с зелёным геометрическим узором обязательно поместился бы в спальне, если его сложить в четыре слоя. На удивление, высокие окна кабинета выходят не на речной простор, а в сад за Губернаторским дворцом. В разгар лета невысокие северные деревья и аккуратно подстриженные кусты радуют зелёной листвой.

Тяжёлая дверь с глухим стуком захлопнулась за спиной. Голоса, топот ног и прочие звуки из гостиной словно отрезало. Мастер Шандар присел в кресло с высокой спинкой за письменным столом.

– Прошу вас, присаживайтесь, – мастер Шандар показал на кресло для посетителей.

– Благодарю вас, – Туран послушно присел.

Смотрины окончены, любопытство жён и старших дочерей на выданье удовлетворено. Но губернатор зачем-то пригласил Турана в рабочий кабинет. Не иначе будет деловой разговор, только о чём? Едва прошло полдня, как Туран сошёл с парохода. Какие у него могут быть дела с губернатором, если они видят друг друга первый раз в жизни?

Мастер Шандар сосредоточенно молчит, только буравит взглядом. Этикет требует молчать в ответ и пожирать высокое начальство взглядом.

– Ваша биография меня не интересует, – наконец-то заговорил мастер Шандар. – В пятнадцать лет у вас проявились сверхспособности. В двадцать пять вы закончили Раконский университет. Собственно, это вся ваша биография. Гораздо больше меня интересует ваше будущее.

Признаюсь: – мастер Шандар доверительно подался всем телом вперёд, – мне не доводилось слышать о мастере, который гонялся бы за уголовниками. Полицейские, частные приставы – это их работа. Мастер Луган до того как возглавил Управление полиции работал в казённой палате ревизором. Но чтобы мастер был простым следователем?

Мастер Шандар к чему-то клонит. По какой-то причине он не спешит сказать прямо. Пусть губернатор наглухо скрывает собственный эмоциональный фон, однако по напряжённому лицу можно догадаться, что он с трудом подыскивает слова и наиболее обтекаемые формы.

– Ваше направление не более чем рекомендация. Никто и ничто вправе заставить вас гоняться за уголовниками. Я предлагаю вам, – мастер Шандар на мгновение умолк и тут же резко, словно выплюнул, закончил, – должность моего личного секретаря.

Охренеть! Туран невольно подался всем телом назад, в затылок с разгона ткнулась высокая спинка кресла.

– Бандиты и беглые каторжники, воры и убийцы, бродяги и вшивые проститутки. Вы даже не представляете, в какой грязи вам придётся копаться. Совершенно другое дело работа под моим началом: персональный оклад и премии, личный кабинет в присутствии губернского правления и никакой грязи. Главное, почёт и уважение.

К вам, как к моему личному секретарю, будут обращаться лучше люди губернии. А это, так сказать, за доступ к телу, дорого стоит.

Мастер Шандар сладко поёт и мягко стелет. Общий смысл его увещеваний прост – только согласись и будешь в шоколаде. А так ли оно на самом деле?

– Так вы согласны? – с нажимом закончил мастер Шандар.

Охренеть, Туран поджал губы. Мастер Ерпанов, ректор Раконого университета, как в воду глядел. Не зря, значит, предупреждал, предостерегал. Ещё обещание взял. Но молчать и пялиться на высокое начальство неприлично.

– Благодарю вас за оказанное доверие, – Туран с трудом открыл рот, – только я вынужден вам отказать.

– Разрешите узнать почему? – мастер Шандар грозно сдвинул брови.

Отказаться от салями с чёрной икрой нелегко. Под «дорого стоит» губернатор прозрачно намекает на солидные подношения от просителей. Взятки, если заглянуть в уголовный кодекс. Да только кто от них отказывается?

– Дело в том, – Туран посмотрел мастеру Шандару прямо в глаза, – у меня уже была возможность занять должность личного секретаря какой-нибудь высокопоставленной особы в Навире, в столице нашей империи. Звучит невероятно, но я и в самом деле приехал к вам для работы следователем в сыскной полиции. Таково направление мастера Ерпанов. А он, как вы несомненно знаете, редко ошибается.

Настроение мастера Шандар испортилось в один момент, его как будто окатили ледяной водой, а то и помоями.

– Жаль, мастер Атиноу, очень жаль, – из голоса мастера Шандар напрочь исчезли сладкие нотки, зато громче пушечных выстрелов загрохотал холодный металл. – Раз вам так хочется работать в сыскной полиции, то пусть так оно и будет. Только смотрите – я вас предупредил. Не пожалейте потом. Можете идти.

Деловой разговор оборвался на полуслове. Раз вышестоящий по должности разрешает идти, значит лучше по доброму убраться вон.

– Благодарю вас за оказанную честь, – Туран поднялся с кресла.

– Идите, идите, – мастер Шандар едва ли не в прямом смысле тычет кулаком в спину. – Завтра утром подойдете к мастеру Лугану. Пусть он занимается вами.

Едва Туран ухватился за дверную ручку, как мастер Шандар неожиданно заговорил вновь:

– Подумайте над моим предложением, мастер Атиноу. Очень хорошо подумайте. Через пару месяцев вы сполна нахлебаетесь грязи. Да так, что ни в одной бане не отмоетесь.

Стоять к высокому начальству спиной значит проявлять неуважение, Туран поспешно развернулся.

– Да, к слову, рекомендую: посетите баню «Лёгкий пар». Обязательно запишитесь к Саргине, – на лице мастера Шандар расцвела блудливая улыбка. – Она, знаете ли, так ловко спинку тереть умеет...

Туран торопливо покинул кабинет губернатора.

На Адмиральской площади холодный ветер с Витаки словно плёткой обдувает лицо. На углу Губернаторского дворца Туран треснул сам себя кулаком по лбу. Да так сильно, что аж искры из глаз посыпались. Господи! Это надо же было так свалить дурака. Это надо же было так облажаться. Да ещё перед кем, перед

самим губернатором. Он же в Снорской губернии господь бог. Под его дудку исполнительная, законодательная и судебная власти танцуют польку-бабочку. Танцуют, да ещё стараются перещеголять друг друга.

Это надо же было так тонко опустить губернатора ниже плинтуса. Туран протёр глаза кулаками. Мастер Шандар предложил ему должность личного секретаря. Нужно было бы сослаться на данное мастеру Ерпанову обещание, для чего собственно ректор Раконского университета и взял его. Не гоже дворянину, пусть даже персональному, разбрасываться словами. А вместо этого он вежливо намекнул губернатору, что мог бы быть личным секретарём куда более важных особ. И не в далёкой северной дыре с медведями и беглыми каторжниками, а в блистательной столице.

В Раконском университете преподавали этикет. Но, лучше всех книжных наставлений, запомнилось изречение утуса Нувана, когда однажды утром он явился на урок с дикого похмелья: «Фильтруйте базар, мальчики».

Глава 4. Первый рабочий день

Бюрократия не заняла много времени. На следующий день после знакомства с губернатором мастер Луган, полицмейстер Снорка, определил Турана к самому опытному следователю утусу Ивину Бизину.

– Он только с виду грозный, а на деле душа-человек, – напутствовал на прощанье мастер Луган.

Душа или нет, это скоро выяснится. Туран робко постучал в дубовую дверь с тёмной от времени табличкой «Старший следователь И. Р. Бизин». А волнения, волнения, Туран провёл пальцами по мокрому лбу, словно перед первым свиданием с девушкой.

– Войдите! – донеслось изнутри.

Кабинет утуса Бизина являет прекрасный образец казённого стиля. Скрипучая дверь и отбитый порог. Серые стены, покрытый белой извешкой потолок, пол под ногами стонет от натуги. Скромные столы и стулья без возраста и срока годности.

Старший следователь восседает за письменным столом. Туран покосился на столешницу. Почему-то думалось, будто рабочее место следователя обязательно должно быть завалено очень важными бумагами. Но нет: столешница перед утусом Бизиным сверкает пустотой и немного пылью. Лишь на краю возвышается позеленевший от времени письменный набор и пара заляпанных воском подсвечников.

– Доброе утро, уважаемый, – Туран вежливо склонил голову.

– Для кого доброе, а для кого и нет, – вместо приветствия буркнул утус Бизин.

Наверняка в молодости утус Бизин был крепким парнем с сильными руками и мужественным лицом. Девки, поди, табунами за ним бегали. С годами возраст взял своё. Старший следователь погрузнел и обзавёлся круглым животиком. Зато седые усы по-прежнему грозно топорщатся в разные стороны. А вот взгляд утуса Бизина очень даже хорошо знаком. Как и мастер Ерпанов, ректор Раконского университета, утус Бизин смотрит прямо в душу. Перед ним лучше сразу расколоться и рассказать, сколько именно яблок стащил из огорода соседа, а сколько сосед в тайне от жены унёс сам, продал на рынке и пропил. Елозить, изворачиваться и лгать бесполезно, как против ветра дуть.

– Опять прислали на мою голову недоросля, – недовольно забухтел утус Бизин. – Как в Управлении молодой, так обязательно ко мне. Других учителей, что ли, нету?

Внешне утус Бизин выказывает жуткое недовольство, седые усы грозно шевелятся, а рот ещё более грозно кривится. Ещё только матом не ругается. Но-о-о внутри, Туран сразу почувствовал преогромное облегчение, старший следователь сияет от гордости. На самом деле утус Бизин жутко рад новому «недорослю». Не каждый день под начало мужика попадет дворян, пусть даже персональный и в недалёком прошлом такой же мужик, зато в недалёком будущем ба-а-альшой начальник.

Туран едва не поперхнулся. Напоминание о том, что он, всё таки, эмпат, едва не сорвалось с губ. Простые люди не зря называют эмпатов правдовидами. Вчерашний прокол с губернатором лучше не повторять, людям дороги их иллюзии и заблуждения. Не стоит без особой нужды рушить их.

– Ладно, бог с тобой, – утус Бизин соизволил сменить гнев на милость. – Слушай меня внимательно. Учить будут строго, без жалости. В нашем деле от жалости вред один. Проявишь жалость хоть на вершок – воровской люд тебе тут же на шею сядет и ножки свесит. На эту братию авторитетом давить нужно, и силой. Последнее самое верное. Тогда бояться будут, уважать. Иначе не поймут. Понял?

– Так точно! – по-военному гаркнул Туран.

Утус Бизин самодовольно улыбнулся. Эмоциональный фон старшего следователя заиграл нотками удовлетворения.

– Перво-наперво забудь всё, чему тебя пичкали в гимназии, – назидательно произнёс утус Бизин. – Практика, практика и ещё раз практика. Теорию оставь профессорам с деканами, которые жизни не нюхали.

Вон там, – короткий толстый палец старшего следователя небрежно ткнулся в чёрный шкаф на лево от входа, – куча всяких нормативных книжек. Хлам, конечно же, но знать их назубок ты обязан. Изучишь в свободное от работы время.

Утус Бизин поднялся из-за стола. Ножки древнего стула противно шаркнули по доскам пола.

– Прямо сейчас на дело пойдём, склад купца Хонгара вынесли. Приказчик, как там его, Гунар Инхор, кажись, полчаса назад прибежал, крыльями размахался. Я на место городских отправил. Дело нетрудное, как раз для тебя будет. Уж больно у Инхора глаза скользкие.

Утус Бизин ступает с грацией учёного медведя. Удивительное дело – ни одна половица так и не скрипнула под его ногами.

– Да, – у порога утус Бизин неожиданно развернулся, – как мне сказали, ты правдовид?

– Эмпат, – машинально поправил Туран.

– Один хрен правду зришь, – утус Бизин недовольно поморщился.

– Не совсем так...

– Неважно, – утус Бизин недовольно отмахнулся. – Через неделю в Северном остроге тебя каждая собака в лицо знать будет. А пока не трепись о своих возможностях.

– Так ведь всё равно узнают, – Туран вслед за старшим следователем вышел из кабинета.

– Узнают, – утус Бизин кивнул на ходу, – как пить дать узнают. Воровской люд темен, но страсть какой хитрый. А тебе всё лишняя фора будет. Усёк?

– Да, утус.

– Топай за мной. Собрались все. Тебя тока ждём.

Со спины утус Бизин похож на университетского садовника Испара Шныла. Тот спуску воспитанникам никогда не давал: орал, ругался матом почём зря. Но добрый... Однако залётчиков, нарушителей дисциплины, эксплуатировал нещадно. Если навоз грузить, то большую телегу; если грядки копать, то не

меньше гектара за раз. День работы под руководством Испара Шныла считался более тяжёлым наказанием, чем трое суток карцера.

***

Казённая коляска с обшарпанными боками и потёртым сиденьем безбожно скрипит от старости. Того и гляди ляжет костью прямо посреди дороги. Но, на удивление, извозчик, старичок в коричневой шерстяной рубахе и в скрипучих сапогах, всё же довёз Турана со старшим следователем до Порты, большого района на северо-западе Снорка. Как не сложно догадаться из названия, здесь находится морской порт, причалы и примыкающие к ним склады.

Проезд между одинаковыми тёмными от времени складами из вековых сосен засыпан крупным щебнем. Колёса то и дело стучат по мелким камешкам. Дорога под заметным уклоном спускается к Витаке, к великой северной реке, на берегу которой находится Снорк. Лёгкий ветерок доносит запах большой воды. Возле широкого бревенчатого причала возвышается двухмачтовое судно со свёрнутыми парусами. Издалека грузчики в серых кожаных куртках с мешками на спинах кажутся старательными муравьями.

Коляска со скрипом остановилась возле очередного ничем не примечательного склада. У распахнутых ворот живым воплощением закона возвышаются трое городских. На каждом фуражка с металлическим номером, белая рубашка на выпуск с длинными рукавами, чёрные штаны и сапоги. У каждого на ремне висит револьвер и грозного вида длинная шашка. Рядом испуганной козой бродит тощий мужичок в рыжей жилетке поверх шерстяной рубахи, на голове поношенный картуз, заправленные в сапоги штаны по самые колени заляпаны грязью. Туран легко спрыгнул на землю. Наверно это и есть приказчик купца Хонгара утус Инхор.

– В общем так, молодой, – казённая коляска закрипела и опасно накренилась, когда утус Бизин сошёл на землю, – первым делом нужно узнать, что произошло. Эй! Человек!

Тощий приказчик рысью подскочил к старшему следователю. От утуса Инхора веет тревогой и страхом, как будто перед ним не человек в шерстяном сюртуке, а голодный медведь на задних лапах. Туран нахмурился, неужели простые обыватели настолько дрожат перед сыскной полицией?

– Рассказывай, что у тебя, – потребовал утус Бизина.

– Ах, витус, – утус Инхор всплеснул руками, – такое несчастье, такое!

– Дело говори, – утус Бизин на корню оборвал поток горестных восклицаний.

– Да, да, конечно. Дело. Значит так оно, дело то есть, было, – утус Инхор выразительно покосился на распахнутые ворота. – По утру, как оно, того, полагается, пришёл я на склад. Ворота только раскрыл... Глядь! Четырёх бочек с рыбой не хватает. Да и шести ящиков с гвоздями тоже нетути. А муки аж восемь мешков унесли.

Куда, думаю, подевалось-то? Ворота целы, замки сам снимал. Дальше смотрю, а у дальней стены подкоп подземный имеется. Вот оно, значит, как вышло – сквозь землю уволокли. Я, как полагается, склад на замок и к вам побёг. Такое дело, убыток витусу Хонгару вышел.

Темнит приказчик, ох темнит, Туран сощурил глаза. Эмоциональный фон утуса Инхора подобен раскрытой книге: вроде и правду говорит, а всё равно трясётся от страха. Да и плевать ему на хозяйское добро, гораздо больше приказчика волнует собственная шкура.

– Правильно сделал, – утус Бизин терпеливо дослушал приказчика до конца. – Рядом будь. Понадобись ещё.

– Да, да, витус, рядом, рядом, – утус Инхор послушно отпрыгнул в сторону. Старший следователь широким шагом направился во внутрь склада.

– Что случилось в общих чертах понятно, – не иначе утус Бизин продолжил начатую ещё в Управлении полиции лекцию. – Прежде, чем свидетелей и подозреваемых допрашивать, сам глядь на место преступления. Лично! – утус Бизин поднял указательный палец. – И очень внимательно.

Следы искать будем. Раз вор, или воры, были здесь, то обязательно наследили. Не по воздуху же они летали. Что-нибудь, где-нибудь, хоть чуть-чуть совсем, да сдвинули, коснулись, поломали, оставили или наоборот взяли. На месте преступления мелочей нет. Просто так и ворона не каркнет. В корень зри.

На удивление, утус Бизин так и не вошёл в распахнутые ворота, а завернул за угол. Ну правильно, Туран поспешил следом. Для начала старший следователь решил осмотреть подкоп с внешней стороны.

У задней стены величественным монументом возвышается ещё один городской. Полицейский бодро козырнул при виде старшего следователя. В ответ утус Бизин молча пожал протянутую руку.

– О, кроты, – утус Бизин остановился возле кучи свежей земли. – Молодой, что видишь?

– Ну... – Туран вгляделся в мешанину отпечатков вокруг дыры в земле, – следы. Много следов. Ещё ход подземный, на нору барсука похож. Да и всё, пожалуй, – неуверенно закончил Туран.

– Как всё? – утус Бизин взорвался праведным гневом. – Ты что? На охоте ни разу не был?

– Ни разу, – Туран потупил глаза. – По грибы, по ягоды с мамкой ходил. А так...

– Хреново, – утус Бизин поджал губы. – Ладно, бог с тобой. Сколько человек здесь топталось?

Утус Бизин ткнул толстым пальцем в мешанину следов на свежей земле.

– Ну..., – Туран присел на корточки, – сапоги. Всего одна пара сапог. Размер один и тот же. Здесь был один человек.

– Отлично, – эмоциональный фон утуса Бизина засверкал одобрением. – А теперь глядь по сторонам. Откуда он пришёл? Куда ушёл? Мог ли его кто видеть? Тебя же в гимназии философии учили, в корень зри.

Хм-м-м... Кончиками пальцев Туран дотронулся до холодной чуть влажной земли. А ведь утус Бизин прав. На земле остались не просто отпечатки сапог, а самая настоящая картина произошедшего.

Тот, кто сегодня ночью вынес склад купца Хонгара, не просто висел в воздухе, а был здесь, ходил, копал землю. Одним словом изменил объективную реальность этого места и оставил на нём свой отпечаток. Если приглядеться и попытаться смоделировать ход событий, то... Туран наклонился ниже. Верхний слой почвы подрезан лопатой, штыковой. В сторонке валяется присыпанный песком квадратный кусок дёрна. Зелёные травинки не успели засохнуть, но уже наклонили вялые стебельки. А вот и след от самой лопаты, в куче рыхлого рыжего песка осталась узкая щель. Преступник воткнул лопату в песок, когда закончил копать, можно даже заметить отпечаток черенка. А затем преступник опустил на колени и принялся прямо руками выгребать суглинок с мелкими камешками. Перепачкался, поди, точно перепачкался.

Туран повернул голову в левую сторону, а потом в правую. До задней стенки соседнего склада метра четыре. Преступник мог зайти с какой угодно стороны. С проезда его было не видно. Да и с боков тоже. Вереница складов изгибается дугой. Значит, преступник точно знал, где копать.

– Преступник мог зайти с любой стороны, – Туран поднялся на ноги. – В этом самом месте его вряд ли кто заметил. Если только случайно. Да и то вряд ли – было темно.

– Правильно мыслишь, – утус Бизин соизволил улыбнуться. – Пошли во внутрь.

Во второй раз Туран без лишних напоминаний сам, по собственной инициативе, внимательно осмотрел ворота и запоры. На широких досках ни малейших следов взлома. Преступник даже не пытался сорвать хотя бы один из трёх массивных замков. Внутри склада несколько темновато. Чёрные тени от бочек и ящиков почти полностью скрывают земляной пол. Значит, Туран остановился возле штабеля ящиков, спёрли далеко не весь товар.

– Где стояли украденные бочки? – утус Бизин даже не глянул на приказчика.

– Вот здесь, витус, – утус Инхор ткнул указательным пальцем в пустую нишу в ряду бочек. – Ящики здесь были. А мешки с мукой вдоль стены на поддоне стояли.

Странно? Туран тайком покосился на утуса Инхора. Приказчик ужас как волнуется. Кажется, будто у него внутри гудит туго натянутая струна. Массивные фигуры городских с револьверами и шашками пугают его больше хозяина и преступников вместе взятых.

– Рыба украденная в точно такой же была? – утус Бизин ткнул пальцем в пустую бочку.

– Да, витус, – приказчик боязливо дотронулся до краешка пыльной бочки. – Витус Хонгар велит держать на складе несколько пустых штук. На всякий случай.

– Туран, – утус Бизин оборвал лепет приказчика, – хватай эту бочку и тащи её наружу через подземный ход.

– Но-о-о... Зачем? – Туран испуганно глянул по сторонам.

– Тащи давай, – утус Бизин толкнул пустую бочку. – Сам поймёшь.

Ну, коль начальство велит... Туран осторожно, словно боясь обжечься, дотронулся до края пыльной бочки. Кончики пальцев тут же окрасились серым. Хорошо, что в первый рабочий день хватило ума надеть старый сюртук. Тот самый, в котором сошёл на берег. А то была мысль нацепить новый, дабы поразить начальство блеском и роскошью.

Сухая бочка с заметными щелями между тёмными досками весит чуть совсем. Грязная только. Туран легко донёс её до задней стены. Лаз внутри склада не намного шире, чем снаружи. Просыпанный песок размытым кругом очерчивает вход.

Но-о-о... Туран в нерешительности опустил бочку на землю, как тащить? Толкать вперёд? Так ведь застрянет, зараза такая. Лучше вперёд залезть самому, а бочку тащить следом. Туран осторожно спустился в лаз. Песок тут же просыпался в ботинки и зашуршал под ступнями. Противно как. Туран, словно рак, задом наперёд полез в проход. Легкая, казалось бы, бочка вдруг разом стала большой и неповоротливой. Пальцы бы не ободрать. Туран с трудом протащил проклятую тару метра на полтора. Затылок больно задел земляной свод, за шиворот тут же просыпались мелкие камешки.

Геройство, называется. Туран честно попытался протащить бочку наружу, но не тут-то было – пузатая тара наглухо застряла в самой нижней точке подземного хода. Ни туда, ни обратно, зараза такая. Туран прилежно толкал её и туда, и сюда, и так и эдак – бесполезно. Бочка застряла посреди прохода словно затычка в бутылке. Да ну её! Туран оттолкнулся от пыльного днища бочки руками, самому бы выбраться.

Не тут-то было! Проход настолько узок, что в нём совершенно невозможно развернуться. Мышиная нора и то просторней будет. Пятясь задом, согнувшись в три погибели, Туран с превеликим трудом выбрался из так называемого подземного подкопа. Хвала Создателю, городской снаружи пришёл на помощь и за брючный ремень выдернул на свет божий.

В волосах песок. В ботинках песок. Руки по локоть в песке. В глазах, во рту, в носу всё тот же противный песок. Брюки и сюртук заляпаны синим суглинком. Словно пёс бездомный, Туран как мог отряхнулся. Ну и работёнка, прости господи.

– Ну как? – утус Бизин с невозмутимым видом стоит рядом. – Какие будут выводы?

В голосе старшего следователя скрыта очень тонкая ирония. Какие, к чёрту выводы? Туран энергично тряхнул головой. Домой скорей. Забраться в ванну и смыть с себя поганый песок. Подожди, Туран резко выпрямился. В голове словно щёлкнула петарда.

– Бочка. Она же... – Туран тупо уставился на дыру в земле. – Она же застряла.

– И что это значит?

– Это значит, – Туран перевёл взгляд на утуса Бизина, – вытащить полную бочку с рыбой через эту дыру наружу решительно невозможно.

– И-и-и...? – словно учитель логики выразительно протянул утус Бизин.

– Склад никто не грабил! – воскликнул Туран.

– Правильно, – утус Бизин махнул указательным пальцем. – Только орать не надо. А теперь ещё раз внимательно глянь на следы возле лаза и скажи, чего здесь не хватает?

Новая задачка с подковыркой. Типа, что тяжелее: кило гвоздей или кило пуха? Нужно подумать. Туран присел на корточки. Жаль, на пару с городовым натоптать успел, но... Преступник здесь был. Своим присутствием он изменил объективную реальность этого места. Но... что же здесь должно быть, а его нет? Утус Бизин прав: в окружающей действительности чего-то не хватает. Но чего?

– Понятия не имею, – Туран поднялся на ноги. – Сердцем чую: что-то должно быть, а что именно назвать не могу.

– Что? – утус Бизин усмехнулся в седые усы. – Совсем, совсем позабыл крестьянскую юность? Если преступник неким волшебным образом умудрился протащить через эту дыру четыре бочки с рыбой и восемь мешков с мукой, он что? Тащил честно украденное добро на собственному горбу до самой дороги? Где следы от бочек? – утус Бизин ткнул пальцем в землю. – Где отпечатки телеги или хотя бы тачки? Догоняешь?

Точно! Туран в немом изумлении уставился на утуса Бизина. Картину произошедшего нужно мысленно воспроизвести с начала и до конца. Перед преступником стояла задача не просто добраться до бочек с рыбой и мешков с мукой. Нет. Ещё их нужно было вытащить наружу, увести и..., Туран наморщил лоб, реализовать. Продать, значит. Это же целая вереница проблем, следов и прочих изменений объективной реальности.

– Теперь догоняю, – Туран кивнул. – Никто и не собирался уносить товар со склада через эту дыру. Быстрее всего, через неё даже не пытались пролезть. Подземный ход выкопан для отвода глаз. Иначе преступник заметил бы, что через него физически невозможно протащить бочку, тем более полную рыбы. Кто-то пытается запутать нас, пустить по ложному следу, уйти от ответственности.

– Ну вот, совсем другое дело, – утус Бизин аж светится самодовольством. – Будет от тебя толк. На будущее, всегда и везде, прямо на месте преступления, проверяй показания свидетелей, потерпевших и подозреваемых. Последних с особой тщательностью проверяй. Мало ли что они говорят. Мало ли какой правдообразный бред несут. Фантазия у людишек буйна, а мозгов повсеместно не хватает. Ну а теперь скажи, – утус Бизин резко сменил тон, – что дальше делать будем?

– Так, это... – Туран рассеянно глянул по сторонам, – поищем свидетелей? Вдруг кто-нибудь что-нибудь видел или хотя бы слышал.

– Правильно мыслишь, – утус Бизин усмехнулся в усы, – только сегодня мы проще поступим. Поехали.

– Куда?

– Увидишь, – бросил через плечо утус Бизин.

Двое городских остались стеречь ограбленный склад. Остальные вместе с приказчиком Инхором погрузились в переднюю коляску. Что задумал старший следователь? Почему он так загадочно улыбается? Бог его знает. Туран молча покосился на утуса Бизина. Остаётся только ждать. Кучер стеганул далеко не юную лошадку, коляска с душераздирающим скрипом тронулась с места.

Внешне утус Бизин спокоен и деловит, как судья на очень важном процессе. Зато эмоциональный фон старшего следователя сверкает от радости, как у кота, который сожрал таки хозяйскую канарейку. А вот от приказчика Инхора в передней коляске тугими волнами исходит паника. Потерпевший трясётся от страха самым натуральным образом. Кажется, ещё немного и он прямо на ходу выпрыгнет из коляски и с безумным от ужаса лицом удерёт в тёмный лес. И почему он так напуган?

Обе коляски быстро выкатили за пределы Порта. Вдоль дороги вместо безликих серых складов потянулись добротные избы с высокими заборами и дубовыми воротами. Буквально в каждом дворе исходят лаем злые кабелы. Торговая слобода, где живут вчерашние крестьяне, мелкие лавочники, ремесленники и наёмные рабочие. Народ не богатый, но честный и трудолюбивый.

Коляски разом остановились возле очередного дома с железной крышей и красивыми синими ставнями на окнах. Приказчик Инхор выбрался из передней коляски на негнущихся ногах. Лицо бледное, будто собственную смерть встретил. Утус Бизин пинком распахнул калитку и первым вошёл во двор.

Белые фуражки городских с металлическими номерами не на шутку испугали немолодую женщину в сером платке и короткой кофточке без рукавов. Трясущимися руками хозяйка дома оттащила от старшего следователя беснующегося кабеля чёрной, с подпалиной, масти. От супруги приказчика веет ужасом. Женщина с трудом сдерживает слёзы и попеременно смотрит то на бледного мужа, то на суровых и невозмутимых стражей порядка.

Утус Бизин уверенный шагом направился напрямик в серый от времени и дождей сарай. Кривая дверь жалобно скрипнула под его рукой.

– Молодой, давай сюда, – не оглядываясь, крикнул утус Бизин.

В низеньком сарае царит полумрак. Вдоль стен высокими штабелями сложены колотые дрова. В воздухе витает приятный запах смолы. Под ногами мягко пружинят прелые опилки. Дневной свет едва протискивается через узкое, словно щель, оконце. В свете прекрасной Ягиры у дальней стены испуганно жмутся пузатые бочки, деревянные ящики и присыпанные белым мешки.

– Ну, что думаешь? – утус Бизин показал на бочки.

Туран подошёл ближе. На округлом боку передней бочки блестят липкие чешуйки. Да и запах солёной рыбы ни с чем не спутать.

– Рыба, утус Бизин, – Туран повернулся к старшему следователю. – Рискну предположить – та самая, со склада.

– Барин!!!

От неожиданности Туран дёрнулся всем телом. Истошный вопль ударил по ушам. Оказывается приказчик Инхор незаметно зашёл следом в сарай.

– Барин, не губи! – Инхор бухнулся перед старшим следователем на колени. – Бес! Бес попутал!

От сгорбленной фигуры приказчика тугими струями исходят эмоции. Туран часто, часто заморгал, даже в глазах рябит. Инхор буквально взорвался запоздалым раскаяньем. Что самое интересное, он не врёт.

– Не хотел! Великий Создатель свидетель, не хотел! Не хотел я собственный склад грабить! – приказчик трясётся как осиновый лист на ветру и едва ли не лбом бьётся о ботинки старшего следователя.

– Проворовался, сволочь, – утус Бизин брезгливо сморщил нос.

Старший следователю отошёл назад. Мычащий приказчик прямо на коленях пополз за ним следом.

– Бес! Бес попутал! Такое дело: хозяин едет. С проверкой! Не хотел, богом клянусь!

В сарай протиснулись полицейские. Городовые ловко подхватили Инхора под руки и рывком поставили на ноги.

– В арестантскую его, – утус Бизин махнул рукой.

Городовые как ни в чём не бывало выволокли мычащего приказчика наружу.

Во дела, Туран захлопнул рот. С момента сообщения об ограблении склада и до раскрытия преступления прошло не больше двух часов. Кто бы мог подумать – приказчик вынес собственный склад. От столь мощного выброса эмоций Туран пришёл в себя лишь в Управлении полиции. Где-то по краю сознания проскользнули приказы утуса Бизина доставить Инхора в арестантскую и о необходимости заполнить кучу бумаг. Главное не в этом.

Года четыре назад Турану впервые в жизни довелось побывать на самом настоящем театральном представлении. То ли театр был худой, то ли господа артисты ни на что не годились, то ли его место оказалось слишком близко к сцене. В памяти о том представлении остались очень неприятные воспоминания.

Было мерзко и противно ощущать, как от господ артистов исходили волны скуки, забитости и очертевшей необходимости. Особенно запомнился пламенный монолог влюблённого поэта. Под балконом возлюбленной он говорил так зажигательно, так взволнованно, а на деле ему больше всего хотелось поскорей закончить это глупое представление и запереться у себя в гримёрке. Отличилась не в лучшую сторону и возлюбленная поэта. Больше пламенного признания в любви её беспокоил пустой желудок и навязчивое желание умять что-нибудь очень сладкое, либо очень жирное. А ещё буквально на протяжении всего представления её донимали туфли на высоком каблуке и режиссёр, в которого возлюбленная поэта очень хотела швырнуть эти самые туфли. Но, что произошло какой-то час назад... Туран тряхнул головой.

Приказчик Инхор вор. Вор, как ни крути. Зато... В его финальном признании не было ни капли фальши. Он действительно раскаялся в содеянном. Так эмоционально, так искренне. А ведь мог вполне встать в третью позицию и с напускной небрежностью заявить, дескать, купил солёной рыбки для собственного потребления. Да, прямо со склада купца Хонгара с хорошей скидкой. Четыре бочки за раз? Да, рыба очень вкусная. Так нет же. Не под тяжестью улик, а под спудом собственной совести Инхор с воем и соплями сломался. Остаётся надеяться, что суд к нему будет благосклонен.

– Эй! Молодой! Слышь меня?

– Что? – Туран будто очнулся от сна.

До сознания только сейчас дошёл грубоватый голос утуса Бизина.

– Вернись на грешную землю, говорю, – усмехнулся утус Бизин.

– Простите, – Туран смутился, – вы что-то сказали?

– Сказал, ещё как сказал. Ещё только прямо в ухо тебе не крикнул, – утус Бизин откинулся на спинку, стул под ним пронзительно скрипнул. – Пытаюсь втолковать тебе очень важный урок. А ты улетел в заоблачные дали и в ус не дуешь. Сидишь с мечтательным видом, словно поэт какой-то. Ей богу.

В эмоциональном фоне старшего следователя сквозит лёгкое раздражение вкупе с весельем.

– Будьте добры, повторите, пожалуйста, – как можно более вежливо произнёс Туран.

Они знакомы всего четыре часа. Однако вполне достаточно, чтобы лично убедиться в преогромном опыте старшего следователя. Туран склонил голову, а то невольная улыбка рвёт губы. Самый верный способ достучаться до утуса Бизина, это польстить его мужицкому самолюбию.

– Никогда не верь людишкам на слово, говорю. Особенно жулью всякому. Лихой люд тебя на жалость давить будет, слезу выжимать, про больных родителей и деток малых в уши заливать. А ты не верь. Ежели доказательств нет, значит врут. И точка!

Толстые пальцы старшего следователя опрокинули в стакан с горячим чаем пару кубиков сахара.

– Этот Инхор, к примеру, – сахарные кубики закружились в стакане перед утусом Бизиным, – врал с первого до последнего слова. Надеялся, дурень, раз в полицию сам сообщил, то вне подозрения будет. Как бы не так! – стальная ложка шлёпнулась на столешницу. – Я его сразу на заметку взял.

– Почему?

– Э-э-э, молодой, расти тебе ещё и расти. Ты его штаны видел?

– Ну-у-у... – Туран скосил глаза, – грязные у него штаны были. Точно грязные. Как будто по земле на коленях ползал.

– Ну?! – выразительно протянул утус Бизин.

Старший следователь ожидает ответа, решения на некую логическую задачку.

– Наверно..., – Туран в нерешительности отвёл глаза.

Господи, ну почему в университете не преподавали криминалистику. Всяко полезней философии была бы. В сто крат полезней.

– Великий Создатель! – воскликнул Туран, в голову яркой молнией ударило озарение, и как только сразу не догадался. – Да он, Инхор же, сам под собственный склад подкоп выкопал. Чтобы землю из дыры руками выгребать, он же на колени встал.

– Молодец! – утус Бизин со звоном опустил стакан на стол. – Ты, когда к тебе проситель приходит, в первую очередь ему на руки смотри. На пальцы, на ногти. Руки, они такие, они всё расскажут. А потом на колени смотри. Порядочному обывателю незачем по земле коленями елозить.

Невероятно! Туран уставился в Запылённое окно. Новый, совершенно новый, невероятно новый мир распахнулся перед ним. До сегодняшнего утра казалось, будто и в самом деле, в прямом смысле, ему придётся гоняться за уголовниками. На деле следователь в первую очередь обязан работать головой, а не ногами. Только глупый охотник сам побежит за зайцем. Умный пустит по следу лопухого гончую, а сам останется на месте. Заяц сделает петлю и сам выскочит под выстрел. Природа у него такая. Вот как надо!

Но-о-о... некоторые неувязки не дают покоя.

– Утус Бизин, – Туран глянул на старшего следователя, – скажите, зачем Инхор ограбил собственный склад? Разве не проще было бы сжечь его? Да и концы в воду.

От старшего следователя, словно от печки, повеяло теплом. Вопрос пришёлся ему по душе.

– Всё не так просто, как кажется, молодой, – утус Бизин отхлебнул из стакана. – Здесь, понимаешь, своя специфика.

Красного петуха частенько пускают, дабы воровство скрыть. Поэтому купцы давно в обычай вяли сразу же гнать взашей приказчика, который допустил сие

безобразии. Инхор мог бы спалить склад, однако всё равно заработал бы клеймо вора. А с такой рекомендацией ему только грузчиком за алтын в день спину рвать.

Хм-м-м... Туран нахмурился, о такой возможности он как-то не подумал. Да чего уж там – не имел ни малейшего понятия.

– Жадность его сгубила, – продолжил утус Бизин. – Умные хитрее поступают.

– Это как же?

Туран напрягся, мимолётное замечание старшего следователя заинтриговало не на шутку.

– А так: – утус Бизин рубанул ладонью по столу, – вынесут собственный склад, а товары честно украденные в Витаку. В прямом смысле концы в воду. Если бы Инхор эти бочки несчастные прямо в воду спустил, то мы бы сейчас с тобой не чаи распивали бы, а по Северному острогу как тузики озабоченные бегали бы.

Вот оно как, Туран опёрся руками о стол. Работать в полиции до жути интересно. Сколько мелочей, сколько подводных камней, подробностей, тонкостей всяких. И всё надо знать. Прав, прав, сто раз прав мастер Ерпанов – будет о чём внукам и правнукам рассказать.

– Ладно, – утус Бизин хлопнул ладонью по столешнице, – почесали языками, чай полакали и ладно. Теперь самое трудное – бюрократия. Учись, молодой, первом владеть. В наше время бумага и чернила в сто крат страшнее ножа и пистолета будут.

Туран с тоской глянул на разложенные перед ним бумаги, образцы и чистые листы. Чернильная работа несколько подпортила приподнятое настроение. Но утус Бизин прав: мало прищучить приказчика Инхора, мало ткнуть в него пальцем, гораздо важнее завести уголовное дело, заполнить по всем правилам несколько протоколов, написать отчёт для начальства и заключение для суда. Утус Бизин, не долго думая, спихнул на Турана всю бумажную работу.

Новенькое стальное перо бесшумно нырнуло в чернильницу. На титульном листе серой папки рядом с надписью «Дело №» Туран старательно вывел: «132-9255». Великий бог бюрократии обожает строгую отчётность.

Глава 5. Исслара Шандар

Библиотеку не зря называют храмом науки. Снаружи сокровищница знаний Снорка не поражает ни размерами, ни величием: унылый серый дом в три этажа с высоким крыльцом. Фальшивые колонны на торце и декоративную лепнину над окнами последний раз белили года три-четыре назад. Зато внутри! Немым истуканом Туран так и замер по среди просторного зала.

Шкафы, книги, ещё раз шкафы и ещё раз книги. Очень много шкафов и ещё больше книг. Центральный зал городской библиотеки плотно заставлен высокими деревянными шкафами. Полки заставлены плотными рядами книг. Яркими корешками и замысловатыми названиями сверкает мудрость человечества, его знания, мечты, страсти и амбиции. На сводчатом потолке безымянные художники изобразили прекрасный северный пейзаж, который только усиливает сходство библиотеки с храмом. Кажется, Туран сощурился, это Витака, устье Витаке, где она вливает свои воды в студёное море Сантара.

Для пущего эффекта не хватает мозаик со сценами из Гексаана и кубического алтаря вместо стола главного библиотекаря. Впрочем, Туран осторожно обогнул задумчивого посетителя в поношенном сюртуке, морёная сосна тоже смотрится неплохо.

Проходы между книжными шкафами сродни лабиринту. А вот и отдел гуманитарных наук. Между книгами вложены лакированные дощечки с

пояснительными надписями: «Философия», «Культура» и, Туран проследил глазами, нужная «Юриспруденция».

Толстые фолианты взирают свысока пыльными корешками. Туран остановился перед нужным шкафом. Кажется, будто бумажные хранители юридической науки насмеются над ним, хитроумные названия и громкие имена унижают чувство собственного достоинства.

Да-а-а..., Туран печально вздохнул, напридумывали господу юристы законов. А смысл? Людишки что: как нарушали, так и продолжают нарушать их. Ладно. С чего бы начать?

В первый же рабочий день Туран осознал преогромную дыру в собственных знаниях. Да, в Раконском университете преподавали юриспруденцию. На пятом курсе умудрился даже сдать её на отлично. Но это так, в общих чертах, всего понемногу и ничего конкретно, чтобы не путать кодекс с комментариями к нему, а деяние с наказанием.

Утус Бизин выразился очень метко: «Законы нужно знать хотя бы для того, чтобы точно знать, какой из них нарушаешь». Поступать в юридический ВУЗ не нужно. Диплом Раконского университета на самом высоком уровне перекрывает все прочие дипломы. В разумных пределах, конечно же. Простудировать пару-тройку учебников, сводов и комментариев к ним будет самое то.

– Вам помочь?

Приятный женский голос разбил тяжеловесную тишину юридической науки, Туран обернулся. В узком проходе между шкафами стоит библиотекарьша, молодая женщина лет двадцати восьми в строгом штучном платье приятного тёмного цвета. Симпатичная библиотекарьша не злоупотребляет косметикой. На губах ни следа губной помады, а под глазами туши, или как там она называется на самом деле. Зато с мочек ушей свисают золотые серёжки. В местном храме науки работает явно не простая девушка.

– Да, будьте добры, – Туран вежливо поклонился.

Симпатичная библиотекарьша подошла ближе. Странно? В её эмоциональном фоне читается напряжённое ожидание чего-то очень неприятного и одновременно неизбежного, как снег в декабре или грязные носки, которые нужно постирать и заштопать. Больше всего молодой женщине хочется поскорей покончить со столь неприятным ожиданием. Туран едва сохранил на лице спокойное деловое выражение, слишком, слишком много эмоций для простой помощи случайному посетителю библиотеки.

– Что вас интересует? – в противовес эмоциональному фону молодая библиотекарьша очень даже мило улыбнулась.

– Э-э-э... – Туран замялся. – Давайте я лучше обрисую вам ситуацию. Буквально вчера я поступил на службу в сыскную полицию. В университете у меня была юриспруденция, но в очень общих чертах. Сейчас же мне необходимо углубить познания в области уголовного права. Отдельно очень хотелось бы найти учебник по криминалистике.

Молодая библиотекарьша призадумалась.

– С наставлениями по уголовному праву проблем не будет. Я подберу для вас несколько книг. А вот с учебником по криминалистике ничего не выйдет, – библиотекарьша развела руками.

– Почему?

– Криминалистику как науку признают далеко не все юристы, – тоном знатока ответила библиотекарьша. – Она до сих пор не входит в официальный перечень наук. Как вы понимаете, учебников по криминалистике не существует в принципе. Неужели в Раконском университете, – библиотекарьша особо выделила слово «Раконском», – вам не рассказывали об этом?

– Может быть и рассказывали, – Туран пожал плечами. – Признаться, я прогулял пару лекций.

– Бывает, – библиотекарша повернулась к книжному шкафу.

Туран стрельнул глазами. Под тёмным платьем угадывается очень даже соблазнительная фигура. Юбка облегает полные бёдра и ягодицы.

– Посмотрим, что у нас есть, – молодая библиотекарша со знанием дела принялась перебирать пухлые тома.

Какие у неё мягкие не испорченные тяжёлой работой руки. Ещё бы ногти подлинней, тогда бы молодая библиотекарша точно сошла бы за светскую львицу.

– Вот, держите, – библиотекарша спорно нагроутила Турана десятком увесистых томов. – Посмотрите эти книги. Для начала выберете одну-две, не больше.

– Благодарю вас, – вежливо произнёс Турана, стопка книг опасно качнулась в его руках.

Тяжела юридическая наука. По дороге к шаткому столику в центральном проходе Туран пару раз едва не обронил увесистую стопку книг.

Нужно признать, молодая библиотекарша знает своё дело. Словно пасьянс Туран разложил пухлые тома по квадратной столешнице. Разные авторы по-разному излагают один и тот же материал. Хорошо, когда можно выбрать наиболее понятного и вменяемого. Туран распахнул крайнюю левую книгу.

«Деяние», «хищение», «процессуальная форма» – язык прокуроров, судей и адвокатов напоминает феню, жаргон уголовников и каторжников, такой же загадочный и непонятный. Та-а-ак, этот свод законов и комментариев к нему для начала вполне сойдут. Со вздохом облегчения Туран откинулся на спинку неудобного стульчика. Удивительное дело – библиотекарша по-прежнему стоит рядом. Эмоциональный фон молодой женщины пылает ещё ярче, ещё краше. Если поначалу она просто ждала непонятно чего, то теперь её распирает жгучее недовольство и острое желание сказать какую-нибудь гадость.

– Эти две книги вполне подойдут, – Туран хлопнул ладонью по бумажным томикам. – Где нужно зарегистрироваться?

– Вон там, – указательный палец библиотекарши указал вдаль по широкому проходу между шкафами, – стол главного библиотекаря. Не забудьте внести залог. И не беспокойтесь, я отнесу оставшиеся книги на место.

Разница между учтивым внешним видом молодой библиотекарши и её напряжённым эмоциональным фоном поражает. Впрочем, Туран подхватил с квадратного столика книги, не стоит обращать внимания на подобные странности. Чем более образован человек, чем более высокую социальную ступеньку он занимает, тем лучше он умеет скрывать и контролировать собственные эмоции. А что именно скрывать у каждого человека можно найти в изобилии.

– Благодарю вас, – Туран повернулся в сторону стола главного библиотекаря.

– Как?! И это всё?!

Удивлённый возглас словно пуля ткнулся в спину.

– Простите? – Туран резко обернулся.

Эмоциональный жар библиотекарши всё таки выплеснулся наружу. Молодая женщина по-прежнему стоит возле квадратного столика, только теперь её глаза буквально светятся удивлением и гневом.

– Неужели вы даже не попытаетесь пригласить меня в ресторан или хотя бы в театр!

Изящная ручка судорожно стиснула толстый том. Библиотекарше страсть как хочется запустить в Турана уголовным кодексом.

– С какой стати я должен пригласить вас в ресторан? – в груди Турана перегретым чайником вскипела злость.

Гнев и удивление в душе библиотекарши сменились на раздражение. А по виду вполне приличная девушка. Даже самые дешёвые проститутки в кабаках Северного острога и то не столь навязчивы.

– Совсем кавалеры измелъчали, – библиотекарша хлопнула уголовным кодексом по квадратному столику. – Вы вообще на что надеялись?

Туран будто в первый раз глянул на молодую женщину. Штучное платье, золотые серёжки, для простой библиотекарши слишком дорого. Да ещё ладошки, мягкие такие. Вряд ли она когда возвращается домой принимается мыть полы, варить кашу и стирать носки мужа. И откуда она знает о Раконском университете? В голове шарики со звоном столкнулись с роликами.

– Вы Исслара, – Туран тряхнул головой, будто согнал сонное наваждение. – Исслара Шандар.

– Собственной персоной, – вигора Шандар гордо выпрямила спину и ещё более гордо расправила плечи.

– Старшая дочь губернатора, своенравная девица, которая напрочь не слушается отца и расшвыривает женихов яко гнилые яблоки.

Господи, Туран оглянулся, неужели он произнёс ЭТО вслух. Громкая перепалка уже привлекла внимание посетителей. Пожилая дама в очках сокрушённо покачала головой. Дальше по проходу два гимназиста уставились на вигору Шандар во все глаза и как по команде зажали рты руками.

– Ну, знаете ли, уважаемый, – от столь наглого признания лицо вигоры Шандар пошло красными пятнами, – теперь вам точно ничего не светит. Убирайтесь от сюда вон!

Точно она, Туран сдержанно улыбнулся. В первый же рабочий день утус Бизин поделился свежими сплетнями о старшей дочери губернатора. С её положением она могла бы сиять сверхновой звездой в местном высшем свете и сводить с ума самых смазливых наследников многомиллионных состояний. Вместо этого Исслара Шандар предпочла работать в городской библиотеке. «Всё зло от книг», – многозначительно заметил утус Бизин.

Теперь понятно, от чего вигора Шандар взъелась как собака, которой наступили на хвост: жениться на дочери самого большого в губернии начальника – самый лучший трамплин для карьерного роста. Вот и крутятся вокруг Исслары Шандар самые отпетые карьеристы. По Управлению полиции анекдоты ходят, как она отшивает претендентов на её руку и сердце. И сегодня, Туран украдкой покосился на двух дам в ярких платьях, которые аж светятся от любопытства и удовольствия, сам того не желая он породил ещё один анекдот. Может быть даже самый смешной и забавный.

Нужно бы вежливо раскланяться и убраться подобру-поздорову, но заело. Язык мой – враг мой.

– Уважаемая, я всего лишь третий день в Снорке, – на едином дыхании выпалил Туран. – И до сего момента не имел чести знать вас лично. Позавчера вечером вы соизволили разочаровать отца и проигнорировали его просьбу.

В библиотеку, если вы изволили заметить, я пришёл за знаниями и только за ними. Коль я так противен вам, то всё, что от вас требовалось – остаться за книжными шкафами вне пределов моего внимания.

Ух! Туран перевёл дух.

– Разрешите откланяться и всего вам наилучшего, – Туран самым решительным образом повернулся к вигоре Шандар спиной.

Благородный гнев старшей дочери губернатора волшебным образом испарился. Ему на смену пришли удивление и растерянность. Так ей и надо! Туран прибавил шагу. Разводить амуры с дочерью губернатора – упаси господа.

Глава 6. Трудное задание

Нишран Ангоро из рода Лиав бесшумно вошёл в Обитель Пресвятой матери, в самый большой, самый величественный зал дворца Владыки нишранов. На каменном прямоугольном постаменте возвышается она – Пресвятая мать всего сущего. Мастера глубокой древности вложили в её образ всю душу, всё умение, любовь и веру. Пресвятая мать словно обычная смертная женщина стоит опустив натруженные руки. Взгляд её с печалью и любовью смотрит на каждого, кто входит в её обитель. Кажется, ещё немного и из её каменных глаз польются самые настоящие слёзы. Ангоро медленно опустился перед богиней на колени и склонился ниц. Если бы не она, если бы не её божественная помощь и защита.

Больше двадцати лет назад Ангоро из рода Лиав была оказана большая честь – его приняли в Гвардию посвящённых. Больше двадцати лет он живёт в Нсече, в единственном городе нишранов, но всё равно не устаёт восхищаться величием и размерами дворца Владыки. Служба в Гвардии трудна и сопряжена с лишениями и опасностями. Зато он обладает огромной привилегией созерцать лик Пресвятой матери хоть каждый день. Далекое не каждому нишрану выпадает честь хранить покой великой богини.

– Ангоро, ты пришёл?

Ангоро повернул голову. Факелы на стенах Обители мерцают неровным светом. Из боковой ниши медленно вышел Владыка, земной повелитель и учитель народа нишранов. Белый балахон мешком висит на его тонких плечах. Костлявые руки с трудом цепляются за длинный посох. Повелитель нишранов передвигается маленькими неуверенными шагами. Владыке Бугу из рода Сертим недавно исполнилось восемьдесят шесть лет – неслыханное для нишранов долголетие. На его памяти нишраны покинули берега гостеприимной Рунии и были вынуждены обосноваться здесь, на холодных и неприветливых Доупарских островах. Годы подточили тело Владыки, но они не властны над его разумом и могучим духом.

– Я здесь, Владыка, – перед правителем нишранов Ангоро благочестиво склонил голову.

– Печальную весть поведаю я тебе, – глубоко запавшие глаза Владыки уставились на Ангоро. – Один из людей узнал тайну сокровищ наших проклятых.

– Как? Как это случилось? Владыка!

Дурная весть кузнечным молотом долбанула по голове. В глазах помутилось. Страшная, самая страшная тайна народа нишранов оказалась под угрозой разоблачения.

– Увы, сын мой, – Владыка сгорбился ещё больше, – мы стремились во что бы то ни стало сохранить в тайне проклятые сокровища наши и переусердствовали в стремлении своём. Юный нишран, в наивном невежестве своём, продал ключ от них человеку. Я простил его, ибо юноша не ведал, что творил.

Владыка неподвижен, только сипящее дыхание выдаёт его волнение.

– Сын мой, – Владыка вновь поднял глаза, – тяжкую ношу взваливаю я на плечи твои. Тебе и только тебе по силам вынести её. Ты – наш единственный мыслитель. Тебе веданы переживания и думы не только нишранов, но и людей. Ты должен сделать всё, чтобы люди так и не прознали о проклятых сокровищах наших. Ибо некому мне более доверить сей тяжкий труд. Иначе смерть лютая ждёт народ наш. Голод и холод убьют детей наших, мужчин и женщин наших. Не останется на Догет народа нишранов. Никого не останется. Не допусти этого. Ты слышишь?

Смертельной безысходностью веет от слов Владыки. Как гвардеец Ангоро посвящён в страшную тайну народа нишранов. Прав Владыка: тяжела ноша, очень тяжела. Но! Глубоко в душе буйным цветком расцвела радость. Ни кому-нибудь, а именно ему и только ему доверил Владыка ни много, ни мало, а

будущее нишранов. Будущее целого народа, его народа. Ангоро расправил плечи и распрямил спину.

– Владыка, я сделаю это. Сделаю, или умру. Клянусь! – Ангоро приложил правую руку к сердцу.

– Пресвятая мать помогла нам. Мы знаем имя того человека. Ошгар из рода Эвбан завладел ключом. У тебя есть время, немного, – глаза Владыки блестят от возбуждения. – Торговец он. «Крюк» коч его. До сих пор плавает он вдоль островов наших. Через неделю, да поможет нам Пресвятая мать, через две вернётся он на Рунию. А ты будешь ждать его.

Возьми, – из глубин белого балахона Владыка извлёк округлый мешочек. – Это всё, что есть у нас. Бери. Ибо нет отказа тебе во всём. Ибо будущее народа нашего в руках твоих.

Ангоро принял мешочек. Сквозь плотную ткань пальцы нащупали рёбра монет. Судя по весу, Ангоро прикинул на руке, золото. Очень много золота. Владыка отдал ни много, ни мало, а всю казну Зивувич, государства нишранов.

– Сильны люди, очень сильны. Но жадность и алчность гложет сердца их. Четырёх помощников вполне хватит мне, – произнёс Ангоро.

– Да будет так. А теперь, – Владыка простёр костлявую руку в сторону выхода, – поспеши. Дорога каждая минута.

Ангоро низко поклонился.

– Через час мы выйдем в Сантару. Да поможет нам Пресвятая мать, завтра днём будем в Снорке. Владыка, я справлюсь, – Ангоро вновь прижал правую руку к сердцу.

Менее чем через час двухмачтовый коч вынес Ангоро и ещё четверых гвардейцев из небольшой бухты, на берегу которой приютился Нсече, единственный город нишранов. Над рядами убогих домиков из камней и шкур возвышается дворец Владыки. В развилке между сопками остроконечным куполом поднимается Обитель Пресвятой матери всего сущего.

Увесистый мешочек давит на шею, словно исполинский камень тянет на дно. Казна Зивувич, государства нишранов, целиком и полностью поместилась в нём. Что поделаешь – бедна родина, очень бедна. На скудной земле с превеликим трудом пробиваются жалкие кустики чеснока. Сильные ветры и жестокие зимы держат народ нишранов на грани выживания. Нсече – жалкий осколок бывшего величия. Без него, без грандиозного дворца Владыки, нишраны окончательно погрязли бы в дикости и в невежестве.

Холодный северный ветер остужает горячую голову. Пальцы правой руки крепко-накрепко сжали мешочек с золотом. Радость и гордость распирают грудь. Так и тянет затянуть разухабистую песню, но не к месту. Ангоро в последний раз бросил взгляд на берег. Выбор у него небогат: либо он выполнит невероятно трудное задание Владыки, либо погибнет. Позорного возвращения не будет.

Пунг из рода Гоах со скрипом сдвинул рулевое весло. Двухмачтовый коч послушно повернул на юг, к Рунии, к оставленной когда-то родине предков.

Глава 7. Убийство купца

Снорк – невероятно огромный и шумный город людей. Он находится гораздо южнее Нсече. Здесь тепло. Приход осени почти незаметен. К тому же город укрыт от холодных ветров Сантары скалистым мысом с выразительным названием Каменный нос. Широкая полоса хвойного леса ещё лучше бережёт город людей. В самом Снорке морем, солью и водорослями, даже не пахнет.

Ангоро из рода Лиав никогда не был на берегах Рунии, на благодатной родине предков. Ему как мастеру под страхом смерти запрещено покидать

Доупарские острова. Не дай бог мастер-человек опознает его. К счастью, мало таких людей.

Ранний вечер, но на дворе ещё светло. Ангоро укрылся в тени деревянного сарая на заднем дворе большого двухэтажного дома. Немного досаждают буйная крапива. Зелёные листочки то и дело жалят голые запястья. Но ничего, терпеть вполне можно.

Купец Влиг из рода Амнос живёт шикарно. Каменный дом, железная крыша, широкие ворота, сарай и ещё навес, под которым сложен огромный штабель дров. Только собаки у купца ни к чёрту, совсем, совсем необученные. Пара кусков мяса с дурман-корешком и один грозный пёс молча подпирает лбом стену будки, а второй валяется рядом пузом кверху. Незнакомец, что притаился за сараем, мохнатых сторожей не интересуется вовсе.

Погоня за Ошгаром из рода Эвбан привела к дому купца Влига из рода Амнос. Как жаль, что перехватить самого Ошгара по дороге в Снорк не удалось. Вчера днём он передал ключ купцу и рассказал о проклятых сокровищах народа нишранов. Нужно как следует поговорить с купцом. Пресвятая мать помогла: жадность затмила глаза Ошгара из рода Эвбан, никому более он так и не разболтал о сокровищах. Теперь нужно поговорить с этим Влигом из рода Амнос, только как? Купец богат и боится людей. Он запирает на ночь окна и двери. Просто так в дом к нему не попасть. Через пару часов сторожевые псы очухаются и вспомнят о своём главном предназначении. Надо что-то делать.

Семейство купца ужинает. Через открытое окно на первом этаже ветер доносит сладкий запах варёного мяса, кислой капусты и пшеничной каши. Люди за большим столом оживлённо говорят. Ангоро напряг слух: ругаются, кажись. Подойти бы ближе, подслушать, но нельзя. Задний двор велик, укрыться совершенно негде.

На втором этаже скрипнула оконная рама. Ангоро машинально пригнулся, коварные листья крапивы тут же обожгли запястья. Неужели заметили? Сердце испуганно забилось. Но нет, не заметили. Из открытого окна выглянул человек. Мужчина, судя по размерам. На спине неизвестного чёрный мешок с лямками, на руках рукавицы с пятью пальцами. Неизвестный мягко спрыгнул на землю, шустро вскочил и был таков.

Чудны нравы людей, право слов, Ангоро расслаблено улыбнулся. Рюкас из рода Бокар, смотритель фактории, рассказывал о странных брачных обычаях людей. Некоторые жёны имеют не только законного мужа, а ещё так называемого любовника, который как раз через окна входит и выходит. Хотя... Ангоро выпрямился в полный рост, это идея. Проникнуть в дом можно тем же путём, что и любовник жены купца. Ну или его служанки. А потом, когда все уснут, можно будет как следует поговорить с хозяином дома. Отличный вариант! Ангоро улыбнулся. Только нужно спешить.

***

Скука.

Туран, словно ленивая секретарша, сидит за столом в кабинете старшего следователя и нетерпеливо поглядывает на часы. Короткая стрелка мучительно медленно наползает на цифру шесть, а более длинная ещё более медленно и мучительно подбирается к цифре двенадцать. Или часы сломались?

Скука.

До конца рабочего дня осталось десять минут. Целых десять минут! Текущие дела на сегодня переделаны, подшиты в серые папки со страшными надписями «Дело №» и сложены стопкой в стальном сейфе утуса Бизина. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и можно будет рвануть домой. Домой, Туран мечтательно закрыл глаза, как приятно, как сладко звучит это слово. А пока... Туран тоскливо выглянул в окно, а пока нужно изображать из себя прилежного чиновника.

Эх, как будет здорово выскочить на Адмиральскую площадь, вдохнуть полной грудью свежего речного воздуха и неторопливым шагом направиться в уютную квартиру на Северном валу. Диван в гостиной такой мягкий, такой удобный. На нём так приятно сидеть обложившись подушками и вытянув ноги. Ну когда же часы на стене пробьют шесть?

Два месяца, почти два месяца, Туран работает помощником старшего следователя. Мальчик на побегушках, если честно. Свежесть впечатлений первых дней давно прошла. Уже и сердце перестало взволновано биться при виде очередного обшарпанного артиста из Северного острога, и даже рык высокого начальства не пугает как в первые дни. Мастер Луган, полицмейстер Снорка, любит поорать на подчинённых, но на деле добрейшей души человек. Ну, почти добрейшей, насколько такое вообще возможно для чиновника высокого ранга. Знать бы ещё, за какие такие грехи мастера Лугана спровадили в далёкую северную губернию. Началось то, что утус Бизин назвал испытание рутинной.

На самом деле в жизни сыскаго следователя мало действительно интересных и достойных дел. Население Снорка около двухсот пятидесяти тысяч. По мерка Тиллуры, город не самый маленький, но... У Турана давно сложилось впечатление, будто направление мастера Ерпанова занесло его в тихий захолустный городок, где на центральной площади пасутся коровы. Преступления в Снорке тихие и заштатные. То у купца Нироу кусок ткани с прилавка утянут, то у мещанина Фарха завистливый сосед корову отравит. Даже убийства какие-то глупые и несерьёзные. Вон, Туран бросил взгляд на запертый сейф, последний случай самый что ни на есть типичный. Только сегодня материалы в суд отправили.

Портовый грузчик Клим Улейкин пригласил в гости другого портового грузчика Хенка Фанурина и дальнего родственника Раниса Улейкина. После четвёртой бутылки дешёвой самогонки бабки Глаши между Улейкиным и Фануриным разгорелся спор о том, будет ли Вторая алмазная война или нет? Кто был за войну, а кто сомневался в её возможности, ни один из фигурантов уголовного дела вспомнить так и не смог. Самый убойный аргумент, обух колуна, оставил на голове Фанурина пару кровавых отпечатков. Последнее слово оказалось за Улейкиным.

Убийца и его дальний родственник даже не поняли, чего натворили. Они отволокли мёртвого Фанурина на лавку и заботливо укрыли старым тулупом. Когда поздно вечером в дом Улейкина прибежала взволнованная жена убитого, Клим Улейкин на пару с дальним родственником прикончили шестую бутылку самогона. И такая дребедень каждый день, Туран печально вздохнул.

В голову невольно лезут мысли поменять службу. Например, можно переметнуться к губернатору. Мастер Шандар до сих пор глазки строит. Да и старшая дочь его, знакомство с которой в городской библиотеке получилось весьма бурным, не отстаёт от папочки. Или, ещё лучше, вернуться в университет. Пусть мастер Ерпанов выпишет направление прямо в столицу, как обещал. Сколько же можно тухнуть в этой дыре? А что? Туран поднял голову. Отличный вариант. Навира – большой город, Лучезарное море, золотистые пляжи, лето круглый год. Не то что здесь круглый год зима. На дворе самое начало осени, а впору валенки одевать. По утрам, по дороге на службу, то и дело приходится обходить затянутые льдом лужи.

– Что, молодой, скучаешь.

Туран очнулся от дум. Не иначе утус Бизин перехватил тоскливый взгляд на циферблат часов.

– Рутинная замучила. Думаешь, а не сменить ли мне службу? – утус Бизин усмехнулся в седые усы. – Зря так думаешь, молодой. Я тебе вот что скажу: рутинная – она тебя в любом присутствии найдет и достанет.

Утус Бизин уселся на стуле поудобней. Старший следователь собирается прочитать очередную лекцию. Тоже дело, Туран оторвал тоскливый взгляд от часов. Нужно отдать должное: утус Бизин много пожил, много знает. Пусть с его обывательскими рассуждениями не всегда имеет смысл соглашаться, но слушать утуса Бизина одно сплошное удовольствие.

– Ну? Переедешь ты в домик напротив, – утус Бизин показал глазами на Губернаторский дворец по ту сторону окна. – И что? Будешь точно так же каждый день в присутствии ходить, принимать просителей, бегать в магазин за поллитрой и пачкать руки в чернилах. Бюрократия, она ведь, в любой конторе бал правит. Это ещё неизвестно, где бумаг больше, у нас или у губернатора. Жуликом больше, жуликом меньше – это мало кого из чиновников волнует. А вот виртом меньше, это уже статья.

Туран нахмурился. А ведь утус Бизин прав. Только для того, чтобы встать на учёт и получить подъёмные ему пришлось провести в казённой палате целый час. И это только то, что положено по закону, то есть не потребовало от помощника председателя казённой палаты брать на себя персональную ответственность.

– Тогда... что же мне делать? – рассеянно произнёс Туран.

– Эх, молодежь, – утус Бизин лениво усмехнулся. – Это сейчас у тебя шило в заднице сидит. Разнообразия хочется, приключений. Лет через двадцать ты эту самую рутину благодворить будешь. Великого Создателя молить будешь, чтобы каждый новый день ничем не отличался от предыдущего.

– Ну-у-у..., – Туран задумчиво потёр висок пальцем, – это будет через двадцать лет. А сегодня? А здесь и сейчас что мне делать?

Эмоциональный фон утуса Бизина окрасился тёплыми тонами одобрения.

– Существует один единственный способ побороть рутину: – утус Бизин загадочно улыбнулся, – подойти к своей работе творчески.

– Это как?

– Ну-у-у... – гораздо менее уверенно протянул утус Бизин, – постарайся найти в повседневной текучке что-нибудь интересное, необычное, что ещё никто до тебя не делал, а то и не замечал вовсе. Заинтересуйся, одним словом. Как, к примеру, люди тараканов собирают, жучков всяких, бабочек. В академиях им за это деньги платят. Так знал я одного такого академика. Клопа просто так раздавить не мог. Обязательно лупу возьмёт, разглядит его со всех сторон, изучит, значит, а потом в баночку на кой-то хрен припрячет. Да ещё крышкой сверху обязательно прикроет. Ну, это, чтобы клоп не убёг, значит.

А ведь в предложении утуса Бизина есть рациональное зерно. Туран мысленно представил стопку серых папок в сейфе старшего следователя. Вигора Исслара Шандар, старшая дочь губернатора, что-то там говорила про криминалистику, точнее, про её отсутствие. Но тут настенные часы тяжело вздохнули и пробили шесть раз. Шесть часов, рабочий день закончился.

Дома тепло и уютно. Туран с наслаждением разлёгся на любимом диване, обложился подушками и вытянул ноги. Рядом на маленьком столике пузатый кофейник и треугольный кусок душистого сыра – самое вкусное сочетание. После сытного ужина так приятно посидеть в тишине и почитать до жути интересный фолиант под интригующим названием «Уголовно-процессуальный кодекс Тиллурской империи».

Работа в полиции не отпускает даже дома. В Снорке хватает развлечений для молодого чиновника, тем более мастера. Вечер после работы можно провести куда как более приятно. Но, увы, приходится доучиваться. Знание статей и параграфов очень помогает, когда у подследственного появляется крайне неприятный защитник в лице наёмного адвоката. Этот может уцепиться за любую мелочь, да так, что никакими раскалёнными щипцами его не оттащишь.

Приятный сладкий кофе и душистый сыр, Туран с головой погрузился в чтение. Нетерпеливый стук в дверь словно нырок в студёную прорубь с головой. Туран аж вздрогнул от неожиданности. Глухие удары барабанным боем разносятся по квартире.

– В чём дело! – Туран рывком распахнул входную дверь.

– Мастер Атиноу, убийство! – в прихожую ввалился хожалый, парнишка лет семнадцати в старой шинели. – В собственном доме на Пушной улице убит купец Влиг Амнос. Утус Бизин срочно вызывает вас. Коляска подана! – на едином дыхании выпалил хожалый.

Молодой посыльный возбуждён, словно ему удалось просверлить дырочку в стене женской бани. Неужели преступление и в самом деле столь серьёзное? Из-за смерти простого обывателя, мещанина или лавочника, его бы из дома не вытащили бы. На этот случай существует дежурный следователь.

– Хорошо, иду, – торопливо произнёс Туран. – Жди меня на улице.

– Слушаюсь! – хожалый лихо козырнул и выскочил на лестничную площадку.

Громкий перестук подкованных сапог по каменным ступенькам закончился смачным хлопком уличной двери. И как только шею не свернул? Впрочем, Туран мягко закрыл входную дверь, не о том нужно думать. Не о том.

Неужели? Вот оно! Первое по-настоящему большое дело. В груди свернулся тугой прозрачный шар предвкушения, Туран задержал дыхание. Два месяца мелких краж, пьяных драк с поножовщиной и стопки исписанных бумаг. Наконец-то, Туран тихо выдохнул, ему предстоит самая настоящая работа. Купец Влиг Амнос, да, есть в Снорке такой денежный мешок. Владеет двумя большими магазинами, один торгует оружием, а другой дамскими нарядами, кажется. Как говорит утус Бизин, чем больше шкаф, тем громче падает. А этот «шкаф» грохнулся так, что в самой Навире отозваться может.

***

Последний раз протяжно скрипнув, коляска остановилась на Пушной улице. Туран спрыгнул на землю. Дом купца Амноса – великолепный особняк в лучших традициях власть имущих. На зелёных стенах фальшивые колонны, крыша покрыта длинными железными листами тёмно-красного цвета, внушительные ворота с фигурной ковкой. Но, пора за работу.

Возле распахнутых ворот маячит городской. Полицейский облачён в серую солдатскую шинель, на погоне красной полосой выделяется нашивка ефрейтора или рядового старшего оклада. На низшие полицейские должности набирают исключительно отставных солдат и унтер-офицеров.

– Где тебя черти носят, – со двора показался утус Бизин.

Тёплое пальто бурого цвета сидит на старшем следователе косо, пуговицы застёгнуты через одну. Не иначе утус Бизин одевался в дикой спешке прямо на ходу. Может как раз по этой причине на месте преступления он оказался первым.

– Простите, утус Бизин, – Туран вежливо склонил голову, – я приехал сразу, как только смог.

– Ладно, пошли быстрее, – утус Бизин махнул рукой. – Давай, пока частный пристав не пожаловал.

Ого! Туран мысленно присвистнул. Громко же шкаф грохнул. Туран припустил за старшим следователем. Встретаться с частным приставом, на участке которого убили купца, не хочется. Начальники хороши в своих кабинетах, на мягких коврах, за дубовыми столами. А на месте преступления от них только вред один: болтаются под ногами, машут руками, лезут с никчёмными указаниями и наставлениями. В общем, отвлекают от работы. На парадном крыльце ещё один городской бодро козырнул старшему следователю.

Начинать расследование полагается с осмотра места преступления. На удивление, спальня купца Влига Амноса, где его убили минут сорок назад,

маленькая совсем. Туран остановился на пороге, правая рука попридержала тяжелую дверь. По середине кровать с горой подушек на толстом одеяле. На право от входа платяной шкаф чёрного дерева. У дальней стенки в углу большой сундук с плоской крышкой. Карниз над окном сорван. Левая штора валяется на полу, правая придавлена сорванным карнизом.

Купец Влиг Амнос, дородный мужчина в самом расцвете сил, лежит возле окна на правом боку. Руки и ноги раскинуты в стороны. На убитом добротный халат насыщенного синего цвета с меховой обстрочкой. С белого воротника свисает стальной ключик на тонкой цепочке. В левом виске ушибленная рана, кожа и части височной кости вдавлены в глубину черепа. Ухоженная бородака тупым кончиком завязла в кровавой луже под головой Влига Амноса.

А это что? Туран подошёл ближе. На халате купца, чуть ниже спины, едва заметные следы. Похоже, что незадолго до смерти купец испачкал руки в саже, а потом машинально вытер их о халат. Туран развернул едва теплую ладонь купца. Так и есть: в складках кожи чёрными ниточками засела грязь. Влиг Амнос вымыл руки, только не очень тщательно. Тогда, Туран опустил руку покойника, где он испачкался?

А это ещё интересней – в углу валяется короткая дубинка. На железной рукоятке приварено шесть прямоугольных пластин. В умелых руках эта короткая дубинка грозное оружие. Тупая грань одной из пластин заляпана кровью. Орудие убийства искать не придётся. Это радует.

- Ну? – прямо над ухом нетерпеливо произнёс утус Бизин.
- Это убийство, – Туран повернулся к старшему следователю.
- Ты уверен?
- Абсолютно, – Туран поднялся на ноги.

Как ни странно, в первую очередь нужно убедиться, что действительно произошло убийство. Каким бы очевидным не был бы расклад на месте преступления, ни в коем случае нельзя делать поспешные выводы. Здесь, на полу в маленькой спальне, лежат не просто труп и прочие улики, а человеческие судьбы. Великий Создатель есть, он всё видит, всё помнит и однажды спросит. Пусть очень редко, но бывают несчастные случаи до жути похожие на убийство.

– Убийца стоял здесь, – Туран ткнул пальцем в пол. – Вот так он ударил, – воображаемая дубинка врезалась в висок воображаемого купца. – Влиг Амнос упал. Убийца развернулся, отбросил орудие убийства и лишь затем покинул место преступления.

- Молодец.

Сдержанная похвала от старшего следователя на вес золота.

- Что дальше?
- Дальше, – Туран глянул в дальний угол спальни, – я предлагаю заглянуть вон в тот сундук возле кровати.

Влиг Амнос – купец старой закалки. Банкам он не доверял вообще, деньги и прочие ценности предпочитал хранить у себя под боком в сундуке. Ещё только в прямом смысле не спал на них. Главное, не стереть ненароком отпечатки пальцев, Туран осторожно попытался приподнять плоскую крышку. Не тут-то было.

Сундук весьма примечательный: толстая крышка весит не меньше пятнадцати килограмм. Туран с трудом прислонил её к стене, кончики пальцев недовольно взвыли от боли. Точно примечательный. Стенки сундучка толстые, сантиметров десять. Несгораемый, значит, сундук. В передней стенке спрятан хитроумный запирающий механизм. Вскрыть такую махину не так просто, да и незаметно вынести сундук под полую сюртука не получится. Однако кто-то всё же сумел вскрыть несгораемый сундук и унести его содержимое. Внутри, на плотной обивке, осталась пара пыльных прямоугольников.

– Похоже, – Туран размял пальцы, – убийство с ограблением.
– Не спеши с выводами, – раздался за спиной голос утуса Бизина.
– Почему? – Туран повернулся к старшему следователю. – Это же очевидно: вот пустой сундук, вон убитый купец, а в том углу валяется орудие убийства.

– Ты домашних допросил? Прислугу? Хотя бы место преступления целиком и полностью осмотрел? Отпечатки снял? – каждый вопрос утуса Бизина словно гвоздь в крышку гроба.

– Нет, – от такого напора Туран слегка растерялся.

К чему клонит старший следователь совершенно непонятно.

– Сначала собери всю доступную информацию и лишь затем, не раньше, – утус Бизин поднял указательный палец, – делай выводы. Иначе твои преждевременные суждения будут тебе же мешать. Понял?

– Теперь да.

– Тогда пошли дальше.

На выходе из спальни старший следователь повернулся к городовому.

– Здесь мы закончили. Запускай Нала.

Утус Нал Лиссар официально числится одним из помощников старшего следователя. Однако фактически давно и весьма профессионально исполняет обязанности криминалиста. Пройтись по месту преступления, засыпать графическим порошком материальные предметы, снять и зафиксировать на липкую плёнку отпечатки пальцев, это же настоящее искусство. Увы, правительство Тиллуры последний раз пересматривало штаты сыскной полиции лет двадцать назад. Может лишь лет через двадцать всё же утвердят новую должность. А пока профессиональный криминалист нужен здесь и сейчас.

Спальня, где убили купца Амнос, самое главное место преступления, но не единственное. Осторожно, стараясь не наследить, Туран обследовал кабинет купца. Преступник и здесь успел похозяйничать. Кресло возле письменного стола сдвинуто в сторону. Пара нижних ящиков выдвинута наполовину, внутри ералаш из бумаг, карандашей и конвертов. И это при том, что в кабинете купца царит буквально музейный порядок: книги в шкафах расставлены по стойке смирно, перьевые ручки на столешнице уложены строго параллельно чернильнице, стулья вдоль стены стоят ровно, как солдаты на плацу. Даже занавески на окне висят абсолютно симметрично. Купец Влиг Амнос держал свой рабочий кабинет в идеальном порядке.

Преступнику не удалось скрыться незамеченным. По словам служанки, неизвестный мужчина в чёрном плаще и в серых перчатках сбил её с ног в коридоре на втором этаже, а затем скрылся в её комнате.

Туран медленно распахнул дверь в комнату служанки. Понятно, зачем преступник стремился попасть именно сюда: окно в маленькой комнате распахнуто настежь. Половичок на полу смят. На узком подоконнике остались грязные отпечатки то ли сапог, то ли ботинок. Туран выглянул наружу.

Во дворе, точно под окном, на утопанной земле осталась пара глубоких отпечатков. Да и сетка от комаров на оконной раме разрезана крест на крест.

– Место выхода? – сзади подошёл утус Бизин.

– Оно самое, – Туран втянул голову обратно в комнату служанки. – Причём через это же окно преступник проник в дом. Снаружи, на подоконнике, свежие царапины.

– Он что? Акробат? – в голосе утуса Бизина сквозит недоверие.

– Почему бы и нет? При известной ловкости и цепкости рук, – Туран махнул рукой в сторону окна, – вполне реально вскарабкаться по украшениям на внешней стене. Преступник именно это и сделал.

– Правильно мыслишь, – утус Бизин чуть заметно кивнул. – Пока тебя не было, я наружную стену осмотрел. Там действительно следы на украшениях.

Ладно, пошли свидетелей допросим. Если что пропустили, Нал найдёт. У него на пальчики, волоски и капельки нюх, как у собаки.

Резонно, Туран вышел следом за старшим следователем из комнаты служанки. За пару месяцев тихий и неразговорчивый утус Лиссар показал себя с наилучшей стороны. Пусть порой из него невозможно вытянуть пару слов, зато дело своё он знает на пять с двумя плюсами.

В коридоре виски сдавило хорошо знакомое ощущение. Туран прислонился спиной к стене. Кажется, будто проход между комнатами наполняется зыбким туманом. Серые струйки скручиваются тугими жгутиками и пытаются залезть в голову через уши, рот и ноздри. Господи, это... Туран инстинктивно напрягся и мысленно сотворил вокруг себя прозрачную пирамиду. Серый туман тут же отхлынул от пси-барьера.

Пси-воздействие – быть того не может! Туран закрыл глаза и сосредоточился, прозрачная пирамида засверкала отточенными гранями. Эмпат. Нет! Бери выше – телепат пытается залезть в мозги. Он должен быть где-то рядом.

Пси-способности даже самых сильных мастеров не простираются дальше двух десятков метров. Неизвестный телепат может быть либо во дворе, либо на первом этаже, либо на крыше. Его нужно найти, причём как можно быстрее.

Темнота перед внутренним взором быстро рассеялась. Вот яркий контур старшего следователя застыл в конце коридора. От утуса Бизина веет удивлением и внутренним напряжением. А это контур городского у ворот. Полицейскому скучно и хочется опрокинуть кружечку горячего кофейку с коньячком. Прямо под ногами, на первом этаже, женщина. Да, точно женщина. Она очень расстроена и ещё больше напугана. В доме полно людей: домашних купца, прислуги, полицейских, но это обычные люди. Телепат. Где?

Поздно. Неизвестный телепат почувствовал отпор и тут же отключился. Серый туман в коридоре испарился. Если контуры простых людей отливают красными тонами, то мастера, тем более такие сильные, сияют огненными столбами. К горлу подступило отчаянье, Туран ещё раз, насколько ему позволил дар эмпата, проверил пространство в доме и вокруг него. Поздно. Неизвестный мастер ушёл.

– Ты чего? – утус Бизин тронул за плечо.

Старший следователь встревожился не на шутку. Он никак не ожидал от молодого такого странного представления.

– Телепат, – Туран распахнул глаза. – Утус Бизин, вы не поверите: только что какой-то телепат пытался залезть мне в голову.

– И? – утус Бизин придвинулся вплотную.

– Удрал, – Туран виновато опустил голову. – Почувствовал меня и удрал.

В Раконском университете Турана специально учили читать эмоциональный фон людей и скрывать свой собственный. Последнего удалось добиться особенно легко. Когда вокруг тебя одни мастера, несовершеннолетние мальчишки, баловники и шалуны, нехотя научишься. Так же Турана учили мысленно просматривать пространство вокруг себя и выискивать мастеров. Неизвестный, незарегистрированный и необученный мастер – потенциальный смутьян и преступник. Вот уж никак не думал, что такие знания могут пригодиться.

– Вот оно что, – горячее дыхание старшего следователя ударило в ухо, – ты, покамест, никому ни звука. К мастеру Лугану вместе пойдём. Такие штуки с начальством согласовать нать. И в протокол пока не вноси. Мало ли что.

В минуту сильного волнения в речи утуса Бизина просыпается деревенский говор. Как выходец с низов, старший следователь очень гордится умением выражаться как образованные начальники.

– Хорошо, – шёпотом ответил Туран.

Осмотр места преступления закончен, пора допрашивать свидетелей. Для беседы выбрали просторную столовую на первом этаже.

Наверняка покойный купец очень гордился своей столовой. Туран с интересом покосился по сторонам. Главная задача далеко не скромной обстановки показать гостям весьма немалый достаток хозяина, да и его любовь плотно покушать заодно. Полки двух сервантов заставлены дорогой посудой. В свете свечей фарфор сияет вычурной позолотой. Пузатые чайники гордо вытягивают загнутые носики, стопки тарелок словно фигурные столбы подпирают полки. Серебряные ложки, вилки, ножи как солдаты на плацу лежат в вертикальных коробочках.

Обеденный стол человек на десять накрыт белой скатертью. Расторопная прислуга убрала грязную посуду и смела крошки. По указанию утуса Бизина Туран оставил возле стола ровно три стула, остальные снёс к окну и сложил пирамидой. Старший следователь демонстративно присел у края стола. Значит, допрашивать свидетелей и вести протокол придётся самому – добрый знак. Из чёрной кожаной папки Туран выложил на стол стопку чистых листов и громким голосом велел вызвать угору Юрлу Амнос, свежее испечённую вдовушку.

Это даже интересно, Туран вежливо приподнялся со стула. Допрашивать богатых дамочек ещё ни разу не приходилось. На вид угоре Амнос лет тридцать восемь – сорок. Для своих лет у неё до сих пор довольно стройная фигура. На вдове просторное домашнее платье в меру удобное, в меру дорогое. Глаза красные, однако слёз не видно. Не иначе угора Амнос успела подняться в спальню и припудрить носик. Белые ручки нервно теребят кружевной платочек.

– Прошу вас, присаживайтесь, – Туран галантно указал на стул напротив.

– Благодарю, – угора Амнос прошуршала пышным платьем.

Душу вдовы раздирают печаль от потери мужа и страх за собственное будущее – крайне интересное сочетание. С чего бы это?

– Представьтесь, пожалуйста, – Туран опустил на стул.

– Юрла Тонкич Амнос, урождённая Сурат, из дворян, – тихо произнесла вдова.

Ого! Капля чернил едва не сорвалась с кончика стального пера. Туран быстро записал полное имя вдовы. Купец женился на дворянке. Не иначе, тяжёлое финансовое положение заставило дворянина Сурата выдать дочь за мужика. Пусть богатого, только всё равно мужика с грубыми руками и дурными манерами.

– Год рождения?

– Девять тысяч двести сорок шестой, – с натугой произнесла вдова, будто призналась в тяжком грехе.

Туран аккуратно внёс паспортные данные в протокол.

– Расскажите, пожалуйста, что произошло?

– Ну-у-у..., – в голове угоры Амнос с трудом зашуршали шарики и ролики, – как обычно после ужина мой муж поднялся в свой кабинет. Я ненадолго задержалась в столовой. Прислуга постоянно нуждается в указаниях, как вы знаете. Как вдруг сверху послышались громкие голоса, даже крики. А потом что-то затрещало, стукнуло и грохнуло. Я испугалась и поспешила в кабинет мужа. В коридоре Нируна, служанка наша, сказала, что какой-то мужлан в чёрном сбил её с ног и убежал в её комнату. Но я всё равно первым делом направилась в спальню мужа.

Это было ужасно! – угора Амнос шмыгнула носиком. – Когда я вошла, то увидела моего дорого Влига на полу. В крови. Там было много, очень много крови. Пол буквально залит кровью.

Кружевной платочек в руках вдовы чуть слышно треснул.

– В это трудно поверить – он не дышал. Даже не шевелился. Это ужасно!

От неприятных воспоминаний угора Амнос пошла красными пятнами и умолкла.

– А что было потом? – Туран на миг оторвался от записей.

– Не помню, – угора Амнос махнула мятым платочком. – Я закричала, наверно. Или это была Нируна, служанка наша. Я пришла в себя в своей спальне. Нируна сказала мне, что Гухл, это дворник наш, побежал за полицией.

Угора Амнос замолкла окончательно и бесповоротно. Глаза вдовушки так и стреляют в сторону выхода. Больше всего ей хочется встать и поскорей покинуть столовую.

Туран задумчиво покрутил пальцами стальное перо. Вдовушка что-то скрывает. В её эмоциональном фоне робкой ленточкой трепещет страх сболтнуть лишнее. Причём очень интересный страх, заметно сильнее боли от потери мужа и даже страха за собственное будущее. Жаль, свободный рассказ не получился. Придётся тянуть из неё показания клещами, если потребуются, то раскалёнными клещами.

– Во сколько вы сегодня ужинали? – Туран окунул стальное перо в чернильницу.

– Как обычно, в шесть часов вечера. У нас так заведено. Много лет уже. Влиг много работает и любит ужинать в одно и тоже время. Он говорил...

– Кто ещё ужинал с вами?

Туран быстро оборвал словесный поток. Ещё немного и вдова начнёт рассуждать о достоинствах фарфоровых тарелок и ценах на колбасу. Простой, казалось бы, вопрос смутил угору Амнос.

– Я, мой муж, Никар со своей лахундрой и... – платочек в руках вдовушки затрещал от натуги, – мой сын Ласс.

Былая болтливость растаяла куском сала на горячей сковородке. Угора Амнос принялась вновь стрелять глазами в сторону входной двери.

– Если я правильно вас понял, вы имеете ввиду Никара Амноса, старшего сына вашего мужа от первого брака, Таону Амнос, его жену, и Ласса Амноса, вашего сына?

– Да.

– Тогда, – Туран попытался проткнуть вдовушку глазами, – почему Никар Амнос, Таона Амнос и ваш сын отсутствуют?

Угора Амнос сердито поджала губки. Туран с трудом подавил неуместную улыбку – вот оно, то самое, о чём вдова так не хотела говорить, а теперь готова выцарапать глаза.

– Они... Они ушли до окончания ужина, – нехотя ответила угора Амнос.

Та-а-ак, интересно. Туран бросил вопросительный взгляд на старшего следователя. Утус Бизин едва заметно кивнул в ответ.

– Городовой! – Туран повернулся к входной двери.

В столовую ввалился городской.

– Немедленно отправьте за Никаром Амносом, его женой Таоной Амнос и Лассом Амносом.

– Слушаюсь! – городской исчез.

При имени родного сына угора Амнос нервно втянула голову в плечи.

– Почему Никар Амнос, Таона Амнос и Ласс Амнос ушли до окончания ужина? – Туран надавил на вдову эмоционально.

– Ну-у-у..., видите ли..., – вдовушка до последнего не желает колотья, – мой сын немного повздорил с Никаром. Мой муж в гневе велел обоим покинуть столовую.

Темнит вдовушка, упорно темнит. Но на убийцу она не похожа. Другое дело, что угора Амнос кого-то упорно выгораживает, защищает. Кого? Сына?

– Уважаемая, – Туран постарался придать голосу официальную строгость, – в ваших интересах рассказать нам всё, что было. Подчеркиваю ещё раз – всё! Если ваш сын ни в чём не виновен, – угора Амнос опять нервно вжала голову в плечи, – то мы обязательно докажем его невиновность.

Угора Амнос отвела глаза, в её эмоциональном фоне красной тряпкой засветилось упрямство.

– В противном случае, – Туран щёлкнул костяшками пальцев по столу, – вы усугубляете его вину.

Личико угоры Амнос пошло красными пятнами. Красная тряпка упрямства вспыхнула огнём страха.

– Хорошо, – угора Амнос шмыгнула носиком, – я расскажу, всё, как было.

Туран невольно прочистил горло, самодовольная улыбка была бы лишней. Разговорить можно кого угодно, главное, нащупать слабое место.

– Сегодня вечером, как обычно в шесть часов, мы сели ужинать. Едва подали второе, как мой сын попросил у отца немного денег. Чуть-чуть совсем. У него..., видите ли..., возникли небольшие финансовые затруднения, – угора Амнос с трудом подбирает нужные слова. – Но этот грубиян Никар опять полез в драку. Ему, видите ли, не нравится, что я помогаю Лассу..., немного..., деньгами. В общем, начался скандал.

Это всё Таона, лахундра, – угора Амнос резко сменила тон и быстро, быстро затараторила, – Никара против мужа, то есть отца, настраивает. В уши дует! Торгашка несчастная.

– И что произошло потом? – Туран как ни в чём не бывало заполняет протокол.

– Ничего не произошло, – былой пыл и напор угоры Амнос разом испарились. – Никар встал и ушёл. Его лахундра убежала следом. А потом Ласс поднялся из-за стола, вежливо так извинился и тоже ушёл. А Влиг, сердитый такой, так и остался сидеть за столом. Он..., он любит основательно подкрепиться.

Потом Влиг поднялся в свой кабинет, а я осталась присмотреть за прислугой. А потом, потом, вы знаете, – угора Амнос всхлипнула.

Во-о-от, стальное перо быстро скользит по протоколу, это гораздо ближе к истине.

– Вы можете сказать, что находилось в несгораемом сундуке вашего мужа? – Туран поднял на вдову глаза.

– Увы, нет, – угора Амнос развела ручками. – Влиг никогда не открывал его при мне. Он считает, что торговля – не женское дело.

– Что-нибудь ещё, кроме содержимого сундука, пропало?

– Да, – кружевным платочком угора Амнос вытерла слёзки, – золотая цепочка с кулончиком в виде змеи. И серёжки, из золота, со змейками. Кулончик и цепочки комплект один.

– Где находились пропавшие драгоценности?

– В спальне, моей. У зеркала, в шкатулке. Я сняла их перед ужином.

Объективная реальность семейного ужина и убийства потихоньку вырисовываются. Дополнительными вопросами Туран уточнил некоторые подробности. Увы, улов небогатый. О деятельности мужа угора Амнос имеет весьма смутное представление. Да и покойный не стремился просветить её.

– Скажите, – Туран перевернул исписанную страницу, – ваш муж владеет каким-нибудь оружием?

– Да, – угора Амнос моргнула глазами, словно сама получила дубинкой по голове. – Дубинка такая страшная, с пластинами железными, как у разбойников с большой дороги рисуют. Он её в спальне хранит.

– Вы хотите сказать, – Туран оторвал глаза от протокола.

– Нет! Нет! Что вы! – угора Амнос в ужасе замахала ручками. – Мой папа никогда и ни за что не выдал бы меня за разбойника. Влиг хранил её как память о молодости. До двадцати пяти лет он караваны с казаками охранял.

Туран с понимающим видом кинул. Выдал бы за разбойники или нет – это ещё бабушка надвое сказала. Стальное перо нырнуло в чернильницу. Когда вместо доходов одни долговые расписки, а к заложенному имению уже присматриваются новые владельцы, даже потомственные дворяне не отличаются особой щепетильностью.

– Где именно ваш муж хранил дубинку? Не под подушкой же.

– Конечно нет, – угора Амнос кисло улыбнулась. – У изголовья кровати, на стене висела, за спинкой.

– И последний вопрос. Понимаю, вам он будет неприятен, но я обязан его задать, – заранее предупредил Туран. – У вашего мужа была любовница? Какая-нибудь тайная интрижка на стороне?

– Да как вы могли подумать? – угора Амнос грозно сдвинула бровки. – Мой Влиг примерный семьянин. Никаких любовниц! Никаких интрижек!

– Хорошо, хорошо, – Туран поспешно закивал. – Тогда, может быть, он не высказывал желания обзавестись ещё одной женой? Помоложе.

– Ни за что! – эмоциональный фон угоры Амнос вспыхнул праведным гневом. – Влиг любил меня и только меня. Ему не нужна была вторая жена. Тем более по-мо-ло-же.

Последнее слово вдова произнесла с ударением на каждом слоге.

Туран торопливо прикрыл рот левой рукой, любящие жёны бывают такими наивными. Ну да ладно. Допрос вдовы можно считать законченным.

– Благодарю вас за оказанную помощь. Пожалуйста, внимательно прочитайте протокол и напишите: «С моих слов записано верно» и распишитесь внизу, сразу под последней строчкой, – Туран протянул угоре Амнос исписанные листы.

Как бы не расстраивалась вдовушка, как бы не переживала потерю мужа, однако угора Амнос принялась очень даже внимательно читать протокол. Ещё только губами не шевелит от усердия.

И почему богатые семьи никак не могут жить как все нормальные люди? Чего им не хватает? Вдова упорно не хотела выносить сор из избы. Но и то, что удалось из неё вытянуть, наводит на очень интересные размышления. Два взрослых сына до конца ужина вышли из-за стола. У обоих была возможность прибить родителя. Мотив самый банальный и самый верный – деньги. Точнее, наследство. Туран украдкой окинул взглядом богатую столовую. Не хило жил купец. Наследство немалое оставил. Людей убивают и за меньшее.

– Я могу идти? – угора Амнос положила стальное перо на стол.

– Да, да, вы свободны, – Туран сложил листы протокола стопкой.

Следующим в столовую вошёл по-крестьянски крепкий мужчина лет тридцати-тридцати пяти. Дорогой сюртук коньячного цвета перехвачен кушаком с серебряными нитями. Из кармана на груди торчит золотая цепочка. Ботинки сияют надраенной чистотой. Внешний вид выдаёт коммерсанта новой волны. Такие густые бороды, безрукавки и рубахи на выпуск не носят, предпочитают гладко бриться, одевать деловые костюмы и отправлять детей в закрытые университеты с очень строгим уставом.

– Я знаю, что вы думаете, – мужчина с ходу плюхнулся на стул, карие глаза с вызовом уставились на Турана. – Я категорически заявляю о собственной невиновности. После ссоры с отцом я сразу же пошёл домой.

От мужчины веет решимостью камня. Чувствуется торговая закваска. Такой будет торговаться до хрипоты, до драки, но так и не скинет с первоначальной цены ни совирта.

– Прошу вас, успокойтесь, – Туран примирительно улыбнулся. – Никто и ни в чём вас не обвиняет. Если не ошибаюсь, утус Никар Амнос?

– Да, не ошибаетесь.

Эмоциональный фон старшего сына несколько смягчился. Наверно, он не ожидал от следователя вежливости и уступчивости.

– Пожалуйста, расскажите, что произошло, – Туран положил перед собой чистый лист бумаги.

Утус Амнос облокотился о столешницу.

– Как именно убили моего отца – извините, не знаю. Не было меня. А вот какие дела творятся в нашем славном семействе – расскажу охотно.

Никар Амнос говорит легко и уверенно, как человек, которому нечего скрывать. Только о смерти отца он ни чуть не сожалеет. Хотя, если присмотреться к его эмоциональному фону, радости он также не испытывает.

– Как обычно в шесть мы сели ужинать. Я хоть и живу отдельно, но традиция собираться всей семьёй за одним столом сложилась, когда я ещё пешком под стол ходил, – невольно скаламбурил утус Амнос.

Едва подали второе, как этот бездельник и мот опять принялся клянчить у отца деньги. Систему ему, видишь ли, до ума довести совсем чуть-чуть осталось. Идиот! – в эмоциональном фоне Никара Амноса чёрным облаком вспыхнула ненависть, впрочем, старший сын быстро взял себя в руки. – Я, понятно дело, возмутился.

Видите ли, – утус Амнос преданной собачкой уставился прямо в глаза, – я не только сын своего отца, а ещё его помощник, младший партнёр. Работаю как вол. Заведую магазином «Модные платья и шляпы» на Набережной Свита. Если вашей супруге потребуется модное платье или изысканная ткань для самого изысканного наряда – добро пожаловать в наш магазин «Модные платья и шляпы». Простите, – спохватился утус Амнос, – увлёкся.

Так вот. Я работаю как вол. Денно и ночью приумножаю богатство нашей семьи. Тогда как этот осёл, бездельник и мот Ласс тянет нашу семью в пропасть.

Формально мой братец заведует оружейным магазином «Старый охотник» на Срединной улице. На деле давно забыл, где тот находится. Карты, бабы и вино – вот его интересы. Дворянин доморощенный! Недоучка хренов! – чёрная тучка ненависти вновь вспыхнула в эмоциональном фоне Никара Амноса. – По математике и логике с тройки на двойку перебивался. Однако придумал какую-то систему, которая, якобы, гарантирует ему выигрыш в карты. А самого из гимназии только благодаря взяткам отца не выперли.

В общем, – Никар Амнос вновь быстро успокоился, – когда Ласс опять принялся клянчить у отца деньги, я не выдержал. Признаю: далеко не в самой культурной форме я потребовал у отца выделить мою долю в наследстве и полноценного партнёрства с разделением капиталов. Погорячился, малость.

Никар Амнос отвёл глаза. Щёки старшего сына чуть заметно покраснели.

– Ну, в общем, я заявил отцу, что больше не намерен ждать, пока этот болван окончательно нас разорит. Понятно дело, мои требования не понравились Юрле, то есть второй жене моего отца. Эта дура до одури любит своего дебила и пуще мыша под юбкой боится остаться без совирта в кармане. Если бы не она, то отец давно выгнал бы этого болвана к чертям собачим. Пусть пропадает.

Естественно, разгорелся скандал. Этот придурок потребовал денег, а иначе, видите ли, он утопится. Эта дура принялась обвинять меня во всех смертных грехах, как будто это я спускаю деньги на шлюх и разбрасываю направо и налево долговые обязательства. Дошло до того, что во всём Снорке не осталось ни одного ростовщика, который дал бы Лассу в долг даже под шестьдесят процентов.

Под конец Юрла заявила, будто я жду не дожусь смерти отца, чтобы наложить лапу на всё его состояние. Понятно дело, столь грубого оскорбления я

не стерпел и поднялся из-за стола. Таона, жена моя, ушла вместе со мной. Вот и всё, пожалуй.

Откровения старшего сына удивляют. Ну и дела в богатом семействе.

– Вы понимаете, – Туран так и замер с ручкой наперевес, – что только что признались в мотиве? В очень серьёзном мотиве. В некотором смысле, косвенно, конечно же, сознались в убийстве родного отца.

– Прекрасно понимаю, – утуса Амнос кивнул. – У меня нет алиби. Слова Таоны, жены моей, вы не примете. К тому же вам достаточно заглянуть в завещание отца, чтобы отыскать в нём десятки тысяч мотивов. После его смерти я получу как минимум половину его дела. А потом, честно признаюсь, завладею всей его торговлей. Болван Ласс всё равно спустит свою долю за пару месяцев. А его обожаемая мамаша отправится на Набережную Свита просить подавание. Но родного отца я не убивал! – Никар Амнос стукнул кулаком по столу.

Очень и даже очень похоже на правду. Туран быстро занес последнее заявление Никара Амноса в протокол. В эмоциональном фоне старшего сына нет ни тени сомнения или страха перед разоблачением. Подобной храбростью обладают либо честные люди, либо великие лжецы. Последние, хвала Великому Создателю, встречаются крайне редко.

– Хорошо, мы найдём настоящего убийцу вашего отца, – невольное обещание сорвалось с губ. – Скажите, вы знаете, что находилось в несгораемом сундуке утуса Влига Амноса?

– Папа страсть как не доверял банкам и предпочитал хранить ценные бумаги и деньги у себя под боком. Ну и драгоценности, конечно, там же лежали.

– Вы можете конкретно указать, что именно находилось в несгораемом сундуке? – Туран вытащил из пачки новый лист.

– К сожалению, нет. Хотя... – утус Амнос призадумался. – В сундуке отец хранил две шкатулки. Да! Точно две. Одна такая чёрная, прямоугольная, с плоской крышкой. По-моему, там бумаги, ценные, лежали. А вторая, квадратная такая, красивая, синяя, кажется, крышка ещё такая полукруглая. В ней, если не ошибаюсь, отец драгоценности хранил.

Туран старательно записал внешний вид шкатулок. Хоть какая-то информация о похищенном, хоть от чего-то теперь можно танцевать.

– У кого хранился ключ от сундука?

– Ключ только один. Отец никогда не снимал его с шеи и никогда и никому не доверял. Пунктик у него такой, – утус Амнос усмехнулся, – был.

Значит пунктик. Так и запишем, Туран пошевелил исписанными листами.

– Скажите, у вашего отца, случаем, не было любовницы? Чей-нибудь дочери, жены?

– Куда там, – утус Амнос махнул рукой. – Мой папа был слишком занят, слишком поглощён работой, чтобы крутить романы на стороне. Наставлять кому-нибудь рога, знаете ли, опасно для дела. Этими же рогами забодать могут. Ненароком. Хотя... – эмоциональный фон старшего сына пошёл приятными воспоминаниями, – иногда мы выбирались в баньку. Ну, вы знаете – спинку потереть. Но! – утус Амнос резко выпрямился. – Расчёт наличными и никакого адюльтера. Только жене моей не говорите. И не надо заносить это в протокол.

Вот так всегда: самые интересные и пикантные подробности свидетели очень часто просят не заносить в протокол. Туран задал ещё несколько уточняющих вопросов и тщательно записал ответы. Да-а-а... Семейство у купца Влига Амноса ещё тот гадюшник. Но, увы, ничего более существенного об убийстве отца старший сын не знает.

– Благодарю вас, вы свободны, – Тиран принял из рук утуса Амноса подписанный протокол. – Позовите, пожалуйста, вашего брата утуса Ласса Амноса.

– А это не получится, – Никар Амнос злобно усмехнулся.
– Почему? – Туран сложил стопкой листы протокола.
– Упорхнул мотылёк. Поди, выклянчил у любимом маман пару сотен и умотал «доводить до ума свою систему». Нет его дома. Вы его в Торговой слободе поищите. Там есть вертеп с весьма выразительным названием «Золотой индюк». Ласс там, где проигрывают состояния, где недорогие шлюхи призывно улыбаются и где подают паршивое вино. Ну или рядом валяется в доску пьяный, дворянин недоделанный.

Старший сын как в воду глядел. Как показала Нируна Суран, служанка, Ласс Амнос покинул столовую почти следом за старшим братом. А потом дворник Гухл Епыл лично закрыл за младшим Амносом калитку. А потом, спустя минут двадцать-тридцать, Юрла Амнос нашла своего мужа на полу в спальне с проломленным черепом – очень интересное совпадение. С трудом верится, будто случайное.

Допрос прислуги ничего нового не дал. Разве что Тана Шикар, классическая кухарка с необъятным бюстом и толстыми пальцами, рассказала много интересных подробностей из жизни семейства Амнос. Но и они, увы, не имеют прямого отношения к смерти уважаемого купца.

Едва дворник Гухл Епыл закрыл за собой дверь в столовую, как старший следователь тут же оживился:

– Ну? Какие будут впечатления?

– Гражданская война в дурдоме: – Туран сгрёб протоколы в одну большую стопку, – двое пашут як кони ломовые, одна вздыхает о высшем обществе, где никогда не была, а другой мнит себя потомственным дворянином. Утус Бизин, – Туран повернулся к старшему следователю, – богатые, они все такие?

– Практически. За редким исключением, правда, – утус Бизин смачно зевнул.
– Мысли, наблюдения, замечания будут?

– Есть кое-что: руки Влига Амноса покоя не дают, – Туран положил стальное перо в маленький футляр. – Я специально уточнил у дворника Гухла Епыла: в доме установлено новомодное паровое отопление. Единственный котёл находится в подвале. Гухл Епыл, как бывший судовой механик, смотрит за ним. Ещё на кухне плита есть, но Влиг Амнос туда сегодня днём вообще не заходил, ни разу. Так что пачкать руки покойному было совершенно негде. Но где-то он, всё же, извозюкал их. Перед ужином Влиг Амнос мыл руки, служанка Нируна Суран заметила чёрную пену на его ладонях.

Утус Бизин улыбнулся. В эмоциональном фоне старшего следователя запылала самая настоящая гордость. Точно так же умелый плотник или строитель гордится проделанной работой, новым столом или новым домом.

– Вот и подумай над этим на досуге, – утус Бизин сделал большие глаза. – В нашем деле мелочей не бывает. Да и чудес тоже. А сейчас что будешь делать?

Туран повернул голову. Фигурные стрелки на больших настенных часах показали одиннадцать часов вечера.

– Для вертепа с выразительным названием «Золотой индюк» время не столь позднее. Постараюсь разыскать Ласса Амноса. Здесь, – Туран ткнул пальцем в стопку протоколов, – очень не хватает его показаний. Как знать, может получится раскрыть дело по горячим следам.

– Добро, добро, – утус Бизин поднялся со стула. – Завтра утром жду тебя с докладом.

Глава 8. Заведение «Золотой индюк»

Пьяные возгласы и крики лучше всяких рекламных вывесок указали, где находится «Золотой индюк». За чугунной оградой, в глубине небольшого сада,

спрятался двухэтажный дом с широким крыльцом. В ночной темноте большие окна ярко освещены. Туран велел кучеру ждать, а сам направился по песчаной дорожке к двухстворчатым дверям с длинными бронзовыми ручками.

За порогом в носшибанул аромат дешёвых женских духов и посредственного вина. Часть просторного зала заставлена квадратными столиками. Пара более длинных приставлена торцами к левой стене. За одним из них расположилась шумная компания. Почётную часть зала захватили овальные столы для игры в карты. У каждого в напряжённых позах сидят игроки. В углу пристроилась пара рулеток. Сквозь шелест карт прорезался треск игрового шарика и возглас крупье: «Делайте ставки, господа. Ставок больше нет!» Недалеко от входа промелькнула сексапильная официантка в чересчур короткой юбочке и в обтягивающей блузке.

Но, вопреки названию, «Золотой индюк» дешёвое заведение. Деревянные половицы скрипят под каблучками улыбочатых официанток. Скатерти на столах нуждаются в основательной стирке и отбеливании. На немногочисленных дамах сверкают поддельные бриллианты, рубины и топазы. Вместо благородного хрусталя бокалов многочисленные посетители пьют дешёвое пиво из стеклянных кружек с отколотыми краями. Здесь действительно можно перекусить, проиграть отцовское состояние и уединиться с одной из сексапильных официанток в номере на втором этаже. «Золотой индюк» является чем-то средним между трактиром, казино и публичным домом.

– Добрый вечер, уважаемый. Чего изволите?

Перед Тураном появился метрдотель. Блестящий смокинг, зализанные назад волосы и широкая во всё лицо улыбка профессионального подхалима.

Бойкий метрдотель всем своим видом выказывает жгучее желание услужить дорогому посетителю. Жаль, эмоциональный фон портит внешний блеск. Служитель «Золотого индюка» смотрит на нового посетителя как на потенциального лоха. Метрдотель улыбается во все тридцать два зуба, а сам в уме прикидывает стоимость пальто на плечах Турана и пытается представить, сколько наличных можно вытрясти из его карманов.

– Могу ли я поговорить с владельцем заведения? – официальным тоном поинтересовался Туран.

– Ой! – профессиональный подхалим сдулся в один момент. – У меня всё законно. Лицензия имеется. Я вовремя плачу налоги. И вообще...

– Вы кем будете? – перебил Туран.

– Я и есть законный владелец «Золотого индюка» Лир Елагин, – профессиональный подхалим вновь воспарил духом.

Туран смерил Лира Елагина глазами. С подобными скользкими типами уже доводилось сталкиваться. Мелкий жулик, любитель стащить что плохо лежит и при этом до икоты и дрожи в коленях боится представителей закона. Туран вытащил из внутреннего кармана сюртука удостоверение со значком:

– Туран Атиноу, сыскная полиция, помощник старшего следователя утуса Бизина, – Туран представился по полной форме. – Я разыскиваю Ласса Амноса. Он у вас?

Лир Елагин льстиво улыбнулся. Нервное напряжение отпустило владельца заведения. Он даже обрадовался. Как же, не по его душу явился дьявол в штатском.

– Позвольте проводить вас к нему, – утус Елагин с грацией балерины отступил в сторону.

На удивление, владелец заведения привёл не к карточному столику, а к не приметной двери за барной стойкой. В небольшой затемнённой комнате на низеньких обтянутых кожей топчанах на разные голоса храпит несколько мужчин. В воздухе витает стойкое амбре из перегара и блевотины.

– Извольте, вот он, – утус Елагин остановился перед крайним слева топчаном.

Проклятье! Туран поджал губы. Проблема, да ещё какая. Ласс Амнос, если это действительно он, в стельку пьян. Служители «Золотого индюка» затащили его в этот так называемый вырезатель и бросили на топчан прямо в ботинках. Зато, наверняка, старательно почистили его бумажник и карманы от лишней наличности. Что же делать?

– Пусть пока лежит здесь, – Туран невольно зажал левой рукой нос. – Мне нужно поговорить с вами.

– Желаете подняться в мой кабинет?

Разглядеть в полумраке лицо утуса Елагина невозможно, да и не нужно. Мысленно владелец заведения уже приготовился расстаться с некоторой суммой наличных. Пока же утус Елагин мучительно думает, сколько предложить? То ли сразу три сотни виртов, то ли хватит одной.

– Не нужно, – Туран повернулся в сторону выхода, – столик в общем зале вполне подойдёт.

По сравнению с вонючим вырезателем ароматы общего зала уже не кажутся безвкусными и дешёвыми. Туран присел за ближайший свободный столик.

– Водка? Коньяк? Пиво? За счёт заведения, – утус Елагин присел на стульчик напротив.

– Не нужно, я при исполнении, – Туран вытащил из кожаного портфеля блокнот и карандаш. – Допрос неофициальный, вы не обязаны отвечать на мои вопросы. Но, надеюсь, вы понимаете...

– Да, да, конечно, – утус Елагин льстиво затряс головой.

Владелец «Золотого индюка» нервничает, за маской учтивости прячется страх. Значит, Елагину есть что скрывать. Наверняка в его заведении полно нарушений. Если натравить на него ревизоров, то пожарный, медицинский или налоговый инспектор выдоят из него куда больше трёх сотен виртов. Тем лучше, Елагин будет рад увести разговор подальше от своего вертепа.

– Во сколько сегодня вечером утус Ласс Амнос пришёл к вам? – Туран взял карандаш на изготовку.

– Не могу знать точно. Видите ли, мы не держим часов, дабы наши уважаемые гости не думали о времени, – пояснил утус Елагин. – Могу только сказать, что к тому моменту стемнело.

Очень исчерпывающий ответ. Когда купец Влиг Амнос сел с семейством ужинать, на улице уже опустились сумерки. То есть, у младшего Ласса Амноса вполне могло быть время.

– Ласс Амнос часто бывает в вашем заведении?

– Да. Он наш постоянный клиент, – утус Елагин отвечает легко и охотно. – Ужинает, заказывает вино, в основном играет в покер.

– И много проигрывает? – как бы невзначай поинтересовался Туран.

В чём, в чём, а в делах по изыманию наличных утус Елагин большой дока.

– Ну-у-у..., как вам сказать, – утус Елагин замялся в нерешительности. – Иногда выигрывает, иногда проигрывает. Фортуна дама капризная.

– Ладно, – Туран глянул на утуса Елагина в упор. – Согласно показаниям старшего брата Никара Амноса, Ласс Амнос проигрывает в вашем заведении большие суммы наличных денег. Это правда?

Владелец «Золотого индюка» почувствовал себя крайне неудобно, как будто к его носу поднесли свежее конское яблоко и попросили оценить его аромат. В душе Елагина развернулось нешуточное сражение между страхом перед властью и острым нежеланием раскрывать свой главный источник доходов.

– Чую, к чему вы клоните, – страх в душе Елагина одержал решительную и окончательную победу. – Да, утусу Амносу, бывало, не везло по-крупному. Но я не занимаюсь ростовщичеством. Крупье даны строгие указания не принимать от посетителей долговые расписки или заклад. Только наличные. Как говорится, деньги на стол или никакой игры.

Правдивое признание разрушило тщательно продуманную линию давления. Жаль. Значит Елагин всего лишь обыгрывает Ласса Амноса в карты.

– Почему вы предпочитаете только наличные? – Туран поднял карандаш.

– От должников одни проблемы. Я не люблю, не имею возможности и не хочу заниматься выбиванием долгов. Проблемы с законом мне не нужны, – как на духу ответил утус Елагин.

– Тогда на какие деньги сегодня вечером играл утус Амнос? Согласно показаниям его матери Юрлы Амнос и старшего брата Никара Амноса, Ласс Амнос просил у отца деньги, но так и не получил их, – Туран зашёл с другой стороны.

– Не могу знать, – тут же отозвался утус Елагин. – Но, уверяю вас: когда сегодня вечером утус Амнос явился в моё заведение, то у него были наличные. Он знает правила. Играл в покер, пил вино. Я не требую от гостей справок о доходах. Деньги, знаете ли, не пахнут, – утус Елагин усмехнулся.

Карандаш с разгона ткнулся в блокнот. На странице осталась большая продавленная точка. Печально осознавать, но Елагин прав: закон не требует от него знать, откуда, из каких источников, посетители его заведения берут деньги. Как ни крути, а ущипнуть владельца «Золотого индюка» не за что. Нужно копнуть в другом направлении.

– Скажите, – Туран перевернул страницу в блокноте, – Влиг Амнос, отец Ласса Амноса, бывал в вашем заведении?

– Не-е-е! – утус Елагин аж скривился от брезгливости. – Такие типы как Влиг Амнос помешаны на деньгах. Скупые больно. Совершенно не умеют жить красиво, с размахом. И зачем, спрашивается, им столько денег?

Мелкий проходимец и в самом деле не понимает, зачем богатым людям много денег, раз они не хотят спускать их в его заведении. Однако вслух Туран спросил:

– Утус Амнос играл сегодня в карты?

– Да.

– Тогда, пожалуйста, пригласите для беседы крупье, который обслуживал его.

– Будет исполнено.

Утус Елагин соскочил со стула. В эмоциональном фоне владельца вертепа праздник жизни и маленькая толика недовольства. Елагину настолько наплевать на своих гостей, что у него даже мысли не было поинтересоваться, а по какому, собственно, поводу сыскная полиция интересуется одним из его постоянных клиентов. Гораздо больше Елагину не понравилась вежливая просьба пригласить для разговора одного из своих подчинённых.

Маленький перерыв, Туран с интересом огляделся по сторонам. Справа, в каких-то пяти метрах, за овальным столом с зелёным сукном во всю идёт игра в покер. Крупье, парень лет 25 – 28, лихо метает карты на стол. Пятеро игроков по очереди задирают края карт, смотрят достоинство, масть и тут же судорожно прижимают их обратно к зелёному сукну.

Четверо игроков держатся молодцами: каменные лица и расслабленные жесты, внешне никаких эмоции. А вот руки пятого игрока, тощего типа в центре в потёртом сюртуке и белой рубашке далеко не первой свежести, заметно трясутся. Тощий глянул на карты и тут же излишне резко придавил их пальцем. Но это ладно. Гораздо, гораздо интересней эмоциональный фон участников игры.

С крупье всё ясно: сама по себе игра не представляет для него никакого интереса. Работа она и за карточным столом работа. Служитель «Золотого индюка» с отсутствующим видом выложил три карты на флоп. В эмоциональном фоне крупье жёлтой полосой горят усталость и желание поскорей уйти домой. Зато тощий тип в центре фонтанирует эмоциями. Надежда и радость, страх и разочарование вспыхивают в его эмоциональном фоне огромными фантастическими цветами. Каждая новая карта на флопе заставляет его трястись от возбуждения.

Два других игрока также светятся восторгом и азартом, но не до такой же степени, чтобы уподобиться паровым котлам под высоким давлением. Парочка оставшихся игроков, ближний справа и второй от дальнего края стола, на удивление спокойны и сосредоточены. В эмоциональном фоне ближайшего промелькнуло сожаление. Небрежным жестом он отбросил в сторону крупье пару карт. На миг на указательном пальце мелькнула синяя накладка в виде перстня. Да-а-а... Заведение «Золотой индюк» весьма сомнительное.

– Добрый вечер, уважаемый.

На стул напротив присел мужчина лет сорока пяти в белой рубашке крупье и в галстук-бабочке. Лицо тщательно выбрито, рыбы глаза не выражают никаких эмоций. Да и сам крупье похож на сушёную рыбу. Хотя... Туран прищурился, на нижних уровнях эмоционального фона едва заметной красной полоской помигивает беспокойство вкупе с любопытством.

– Добрый вечер, – ответил Туран. – Представьтесь, пожалуйста.

– Ледан Младич Шелгин.

За долгие годы работы в «Золотом индюке» утус Шелгин настолько научился контролировать собственные эмоции, что профессиональная невозмутимость стала его второй натурой, а то и первой. Хотя, при его работе, очень и даже очень полезное качество. Нередко крупье поддаются яду азарта и превращаются в законченных игроманов.

– Утус Ласс Амнос играл сегодня за вашим столом? – Туран чиркнул имя крупье в блокноте.

– Да.

– Во сколько он пришёл?

– Не могу знать. В зале нет часов. Правила нашего заведения категорически запрещают носить карманные часы.

– Понятно, – Туран сжал пальцами карандаш.

Вторая попытка выяснить, когда же Ласс Амнос явился в «Золотой индюк» с треском провалилась. Здесь не принято следить за временем. Подобные заведения работают сутки напролёт, вне зависимости от дней недели и церковных праздников. Греха не боятся.

– Расскажите, сколько у него было денег? И вообще, как он играл? – Туран опустил карандаш.

– У утуса Амноса было ровно 250 виртов. За игровой стол он сел в крайне возбуждённом состоянии. Играл нервно и чрезмерно налегал на вино. Как результат, играл невнимательно, рассеянно, быстро опьянел и проиграл всё под чистую.

Крупье ответил по-военному чётко, ясно и по существу. Ему бы прокурором работать, бесцветным голосом зачитывать обвинительные заключения. Подобная манера производит на присяжный сногшибательное впечатление.

– Что ещё вы можете рассказать об утусе Амносе? – Туран на миг оторвал глаза от записей в блокноте.

– Только то, что Ласс Амнос – пропавший игрок. Он придумал какую-то систему и уверовал, будто однажды она сделает его сказочный богачом. Каждый

вечер он не просто играет, а проверяет её, уточняет, перепроверяет и снова играет.

- И как? Есть результат?
- Разрешите я отвечу афоризмом?

Туран молча кивнул.

- Игра в карты – развлечение для умных, страсть для дураков.

Коротко и ясно, из утуса Шелгина получился бы отличный прокурор. Но, чёрт побери, это снова тупик. Может зайти с другой стороны?

– Понимаю, – Туран стрельнул глазами в сторону владельца заведения, – вы не обязаны знать, но... Откуда у Ласса Амноса сегодня вечером взялись наличные? Согласно показаниям его старшего брата Никара Амноса, у Ласса Амноса одни долги. Причём до такой степени, что уже никто не даёт ему в долг даже под самый грабительский процент.

Туран пристально уставился на крупье. Неужели и он прикинется ветошью? Но нет, в душе Ледана Шелгина медленно закипает любопытство. Ответит или нет?

– У нас не принято интересоваться, на какие средства клиент играет. Деньги, как говорится, не пахнут, – медленно произнёс утус Шелгин.

Проклятье! Туран ругнулся про себя. Опять облом. В ответе крупье легко узнать любимый афоризм Елагина. Туран скосил глаза, владелец вертепа подпирает барную стойку в зоне слышимости. Глаза Елагина буравят спину подчинённого. Владельцу «Золотого индюка» плевать, какие именно деньги спускают в его заведении. Главное, побольше. Ответ придётся искать в другом месте.

- Но я знаю, кто может вам помочь, – чуть слышно произнёс утус Шелгин.

В эмоциональном фоне крупье мелькнула искра азарта. Или показалось?

- Вон, видите? – утус Шелгин показал глазами на лестницу на второй этаж.

Туран, не поворачивая головы, глянул в указанную сторону. По деревянной лестнице спускается высокая и невероятно красивая женщина. Тугие бёдра соблазнительно покачиваются на каждой ступеньке. Судя по короткой юбочке и тугой блузке, одна из так называемых официанток.

– Розмари – звезда нашего заведения, – тихо пояснил утус Шелгин. – Если фортуна подбрасывала Лассу Амносу сотню другую виртов, то он обязательно относил их ей. Если не секрет, – утус Шелгин отбросил драматический шёпот, – по каким причинам вы интересуетесь утусом Лассом Амносом?

Эмоциональный фон крупье всё же взорвался от любопытства. Вот тебе и сушёная рыба. Да и утус Елагин наострил уши.

Сказать или нет? Если разобраться, крупье предложил сделку, обменяться информацией. А почему бы и нет? Всё равно через несколько часов утренние газеты разнесут весть о смерти Влига Амноса по всему Снорку.

– Утус Влиг Амнос убит сегодня вечером, – произнёс Туран. – Начато следствие. Я проверяю причастных к этому делу. Вы удовлетворены?

- Благодарю вас.

- Вы можете идти, – Туран махнул рукой.

Утус Шелгин тут же поднялся из-за стола. Внешне крупье по-прежнему похож на сухую рыбу, однако внутри он удивлён и озадачен. Впрочем, не важно.

- Уважаемый, – Туран щёлкнул пальцами над головой.

- Слушаю вас, – утус Елагин тут же подскочил к столику.

– Могу ли я поговорить с кем-нибудь из... – Туран оглянулся по сторонам, – ваших официанток? Желательно с той, которая хорошо знает Ласса Амноса.

– Да, да, конечно, – утус Елагин аж светится липовым желанием услужить. – Розмари, она...

Владелец вертепа резко заткнулся, словно подавился камнем. Не иначе испугался сболтнуть лишнего. Весть об убийстве Влига Амноса подействовала на него странным образом. Нет, он не испугался, быстрее, огорчился. Примерно также печалится купец, которого лишили государственных закупок сукна из-за низкого качества товара.

– Сию минуту, – утус Елагин отпрыгнул от столика.

Веселиться чересчур откровенно не стоит, Туран прочистил горло. Один хрен без улыбки невозможно наблюдать, как скользкий владелец «Золотого индюка» что-то горячо шепчет на ушко Розмари. Недовольство на лице официантки сменилось удивлением, а потом местная звезда бросила на Турана весьма откровенный взгляд.

– Сыщик, – Розмари изящно опустила на стульчик напротив. – Сыщиков у меня ещё не было.

Розмари перекинул ножку за ножку да так, чтобы без проблем можно было бы любоваться её округлыми коленками и наполовину обнажёнными бедрами. Между прочим, неслыханная для порядочной женщины вульгарность.

Местная звезда разменяла четвёртый десяток лет, но годы только прибавили ей величия и шика. Как дорогое марочное вино, которое с годами становится только лучше и лучше, так и Розмари с годами набирается опыта всё больше и больше. Пышные чёрные волосы небрежно причёсаны. Пухлые губы сияют красной помадой. Блузка весьма выразительно обтягивает соблазнительную грудь. Но самое убойное, это эмоциональный фон местной официантки.

Розмари – лицензированная проститутка. Туран как мог спрятал смущение. Работа официанткой для неё не более, чем дополнительный заработок. Турану по долгу службы приходилось сталкиваться с проститутками и раньше. Обычно они как будто мёртвые внутри. За маской наигранного интереса скрывается пустота, усталость и брезгливость с тихой ненавистью ко всем мужикам. Но Розмари!

Лёгкий озноб скатился по позвоночнику. Едва Розмари присела на стульчик, как Турана окатила волна сексуального интереса. Розмари относится к высшей касте проституток, которые работают не сколько за деньги, сколько ради удовольствия. По этой причине ей много платят. Клиенты обожают, когда под ними вулкан страстей, а не холодное бревно с лубяной маской похоти. Розмари совершенно не прочь прямо сейчас подняться в номер и дать откровенные, самые откровенные, показания в горизонтальной плоскости. Тем более она только что спустилась от туда. Щёчки Розмари пылают красным румянцем, а в груди пульсирует сексуальное возбуждение. А глаза, зелёные глаза сверкают самыми настоящими страстью и вожделением.

Превеликий Создатель, только не это. Туран с трудом совладал с собой. Пусть официально рабочий день давно закончился, однако он всё равно при исполнении.

– Скажите, вы... хорошо... знаете Ласса Амноса? – Туран с трудом выдавил из себя первый вопрос.

– Настолько хорошо, насколько я знаю всех моих кавалеров, – Розмари ослепительно улыбнулась.

– У меня к вам всего один вопрос, уважаемая: – голос предательски хрипит, – откуда сегодня вечером Ласс Амнос достал наличные? Я точно знаю, что он обременён большими долгами. К тому же, как раз сегодня вечером он просил деньги у отца, но получил отказ.

– А что? Хотите познакомиться с его системой?

– Ни за что! – невольное признание вырвалось из груди помимо воли. – Я не любитель азартных игр, – гораздо более спокойно добавил Туран.

– Тогда что вы делаете в нашем заведении?

Розмари напускает чары. Чёрт побери, у неё это отлично получается. Эмоциональный фон местной звезды зовёт и манит отбросить все дела и предаться чувственным наслаждениям. Как же она хороша! Глаза сами собой так и норовят опуститься ниже, ещё ниже и заглянуть под короткую юбочку. Так и подмывает поднять руку, щёлкнуть пальцами и заказать самую дорогую бутылку шампанского, которая только найдётся в этом убогом заведении.

Туран прикусил язык. Боль отрезвила, морок развеялся. Сладкое наваждение рассыпалось серым пеплом. Проклятье, Розмари обладает редким, очень редким, даром сводить с ума эмпатов.

Обычно эмпаты брезгают проститутками. Крайне, крайне неприятно чувствовать под собой холодную усталую куклу, которая хочет только одного: чтобы клиент поскорей слез с неё и рассчитался. Но Розмари...

С Розмари и с женщинами подобным ей способность читать чужой эмоциональный фон оборачивается ахиллесовой пятой. Трудно, невероятно трудно устоять, когда чертовски привлекательная женщина и в самом деле хочет тебя. Пора завязывать, Туран тряхнул головой, пока сила воли не приказала долго жить.

– Так вы знаете или нет? – Туран постарался вложить в вопрос всю официальную холодность, на которые только способен.

– Нет, – Розмари обиженно поджала губки. – Деньги не пахнут.

Опять знакомая фраза. Владелец вертепа выдрессировал служащих как собачек. Ну это ладно, интересно другое – Розмари врёт. Всё она знает. Злость на собственный слабый дух поднялась внутри живота тугой волной. Туран на миг замер на месте, словно окаменел. Ну уж нет, если идти, до конца.

– Очень жаль, уважаемая, – Туран демонстративно захлопнул блокнот. – Придётся мне попросить одного знакомого из казённой палаты проверить финансовую отчётность вашего заведения. Этикетки на шампанском, которые разносят ваши официантки, криво наклеены. Непорядок.

А-а-а! Задело – глаза стоящего напротив Елагина округлись. Точно палёным шампанским торгует. Но даже если отчётность «Золотого индюка» в полном порядке, а шампанское доброго качества и честно куплено, скользкие типы на подобие Елагина страсть как боятся финансовых инспекторов.

Розмари резко обернулась, Елагин с видом обречённого на казнь махнул рукой.

– Я действительно не знаю, где Ласс Амнос достал наличные, – совсем, совсем другим тоном торопливо произнесла Розмари. – Да подождите вы!

Туран опустил обратно на стул.

– Загляните в ломбард «Последняя надежда». Там вам точно скажут, откуда у Ласса деньги, – нехотя призналась Розмари. – Ласс постоянно жалуется на Сервия Панкора. Типа, жмот, дерёт бешенные проценты и в долг не даёт.

Вот, Туран распахнул блокнот, уже кое-что. Какая ни какая наводка. А то пришлось бы самому перетряхивать все городские ломбарды. Пусть Снорк далеко не Навира, пара десятков заведений, где под залог имущества дают в долг, найти можно. И это только легальных, которые платят налоги с оборота.

– Ну вот, уважаемая, – Туран убрал блокнот в тонкий кожаный портфель для бумаг, – можете, если хотите.

– Ещё как хочу! – Розмари томно задышала, соблазнительные груди заколыхались под обтягивающей блузкой. – Закажите шампанского, за счёт заведения, разумеется. А потом давайте поднимемся в мой номер и вы будете меня допрашивать, допрашивать и допрашивать.

Эмоциональный фон Розмари засиял сексуальным возбуждением. Она и в самом деле совсем, совсем не прочь задрать короткую юбочку и лечь на этот

самый столик. Туран зажмурил глаза, зубы до крови прикусили язык. Боль прочистила мозги. Только не это!

Вот так, с бутылки шампанского за счёт заведения, разумеется, и обалденно красивой женщины начинается коррупция, растрата и моральная деградация. А заканчивается на севере Рунии, в кандалах, в каторжном остроге посреди дикой, нехоженой тайги.

Как раз на прошлой неделе довелось присутствовать на показательном суде над утусом Ситапом, растратчиком из уездного земства. Зрелище унылого и раздавленного подсудимого с обвислыми усами и седыми висками было весьма и весьма отвратительным. Ещё хуже было видеть его жену, заплаканную женщину со сморщенным от горя лицом. Больше всего поразил эмоциональный фон почти взрослого сына, который даже не пытался скрыть лютую ненависть к отцу. Из-за родителя молодой человек лишился перспектив закончить гимназию и выбиться в люди. Как пояснил утус Бизин, когда утус Ситап потерял должность и попал под следствие, его сыну пришлось найти работу, чтобы содержать мать и двух младших сестёр. Когда в порту целый день таскаешь мешки с зерном или машешь топором на лесоповале, то нечего и думать о гимназии и последующей карьере чиновника.

– Нет, Розмари, я при исполнении, – Туран излишне резко поднялся из-за столика, коленки больно стукнулись о край столешницы.

– А зря.

Розмари демонстративно развалилась на стульчике. На блузке сквозь тонкую ткань проступили твёрдые соски. Туран с трудом оторвал от них взгляд.

– Только вы не там ищите, мастер Атиноу.

Туран так и замер возле столика с тонким портфелем в левой руке.

– Я знаю толк в мужчинах, – Розмари обворожительно улыбнулась. – Этот слизняк Ласс муху прихлопнуть не сможет, не то, чтобы отца родного убить.

Вполне возможно, что Розмари знает толк в мужчинах. Снизу, как говорится, виднее. Только она не работает в сыскной полиции. Как раз убийства близких родственников отличаются особой жестокостью. Бывает, затаённая ненависть копится и копится годами, а потом разом выплёскивается в один единственный удар топором в спину или в выстрел из охотничьего ружья в упор. Но и этого бывает мало. Именно близкие родственники гораздо чаще прочих убийц наносят жертве тяжкие побои вплоть до изодрённого глумления над остывающим трупом.

– Я выясню это, – Туран улыбнулся в ответ.

Хвала Великому Создателю, сексапильная красотка осталась за спиной.

– Желаете подняться в номер? – утус Елагин игриво подмигнул.

– Только не в вашем заведении.

Туран не выдержал и оглянулся. Розмари как и прежде сидит за столиком в весьма и весьма соблазнительной позе. Превеликий Создатель, как же она хороша.

– Великолепный ход, утус Елагин, – Туран вновь глянул на владельца «Золотого индюка», – только грубый очень. Тоньше надо действовать, тоньше.

– Тогда чего же вы желаете? – обида и разочарование переполнили утуса Елагина.

– Всего лишь забрать у вас Ласса Амноса. На улице меня ждёт коляска, грузите тушку.

– Будет исполнено, – утус Елагин торопливо удалился.

Вести в коляске пьяного в дым Ласса Амноса страсть как не хочется. Ещё стошнит по дороге, но надо. На данный момент, чтобы там не говорила Розмари, Ласс Амнос подозреваемый номер один. Не спроста у него завелись деньги, не спроста он страшно нервничал и налегал на вино. Так пусть проснётся в арестантской – сюрпризом будет.

Глава 9. Ломбард «Последняя надежда»

Домой, на улицу Северный вал, Туран вернулся к часу ночи. Заспанный дворник Данс нехотя отпер дверь. Впрочем, полтинник моментально улучшил ему настроение. Но, несмотря на усталость, заснуть удалось далеко не сразу. От возбуждения кипит кровь и дрожат руки. Туран в очередной раз перевернулся на другой бок. Как ни как, а в его жизни появилось первое по-настоящему серьезное дело. Это не пьяная ссора и не печальная история о том, как завистливый сосед корову отравил. Это, это, аж дух захватывает, самое настоящее убийство!

Рабочий день сыскного следователя не нормирован, и слава богу. Туран неплохо отоспался и лишь в начале десятого утра вышел из дома. Нужно бы отметить в присутствии, только зачем время терять. Прямо от дома на Северном валу Туран отправился в Торговую слободу в ломбард с романтическим названием «Последняя надежда». Если Розмари, самое дорогое перо в хвосте «Золотого индюка», не ошиблась, то владелец ломбарда наконец-то скажет, откуда у Ласса Амноса в вечер убийства завелись деньги. Немалые, между прочим, деньги.

Торговая слобода зажата между Портом и Речной стороной. Большую часть района занимают частные избы. Однако ближе к Витаке несколько улиц застроено двух, трехэтажными домами. Возле дома номер десять на улице Колбасный ряд Туран остановился.

Владелец ломбарда изо всех сил не стремится к мировой известности. Вывеска «Последняя надежда» едва выделяется над ничем непримечательной дверью с торца дома номер десять. Если не искать ломбард специально, то можно легко пройти мимо него не заметить. У входной двери за декоративной отделкой спрятана стальная сущность. Открыть её топором или ломиком просто так не получится. Туран потянул маленькую круглую ручку на себя.

«Последняя надежда» и в самом деле очень последняя и очень солидная. Поперёк небольшой комнаты словно баррикада возвышается высокий, по грудь, прилавок. Нечто похожее на витрины увеличивает высоту прилавка ещё больше. За толстыми стёклами ничегошеньки нет, пустые полки укрыты толстым слоем пыли.

Между витринами оставлено небольшое окошко. Причём настолько узкое, что протиснуться через него можно только боком. Да-а-а, владелец ломбарда чересчур боится грабителей. Наверно есть за что. За такой баррикадой просто так его не достать. А тащить с витрины совершенно нечего.

– Чего изволите? – в узком окошке показалась голова владельца.

Туран подошёл ближе. Такое впечатление, будто на серую конторскую рубашку надвинули пухленькое личико со вторым подбородком. На макушке ёжик коротких волос, на мясистом носу маленькими прожекторами сверкают круглые очки.

В эмоциональном фоне владельца читается настороженность. Сначала он оценил посетителя на предмет угрозы. Ни топора, ни обреза в руках у Турана не оказалось, лишь тонкий кожаный портфель для бумаг. Вторым номером последовала оценка платёжеспособности. Добротное пальто, отглаженные брюки и начищенные ботинки обрадовали владельца ломбарда.

– Доброе утро, уважаемый, – Туран вытащил из внутреннего кармана сюртука удостоверение со значком. – Туран Атиноу, сыскная полиция, помощник старшего следователя утуса Бизина. Я могу задать вам несколько вопросов?

– Да, да, конечно, – оба подбородка владельца «Последней надежды» плавно качнулись.

Внешне владелец остался невозмутимым, однако в его эмоциональном фоне ядовитой зеленью вспыхнула неприязнь. Будто строгий папа заставил его в качестве наказания съесть банку ядрёной горчицы. Остаётся надеяться, что

подобный настрой придаст владельцу желания говорить. Хотя бы ради того, чтобы поскорей выпроводить неприятного гостя. Туран убрал удостоверение обратно в карман.

– Представьтесь, пожалуйста, – Туран положил блокнот на прилавок.

– Сервий Влагич Панкор, – ответил владелец. – Моя лицензия в полном порядке. Я вовремя и в полном объёме плачу налоги.

Владельцы самых разных заведений, начиная с мелких лавок, трактиров и до уважаемых магазинов и бань, очень любят подчёркивать наличие лицензии и отсутствие задолженности по налогам. Некоторые особо трусливые рассказывают о вовремя почищенных дымоходах и чистых туалетах.

– Не сомневаюсь, уважаемый, не сомневаюсь. Но я не по поводу вашей лицензии или санитарного состояния вашего заведения, – Туран приветливо улыбнулся.

На сердце у владельца ломбарда тут же отлегло.

– Вы знакомы с Лассом Амносом, младшим сыном купца Влига Амноса?

– Да, – тут же ответил утус Панкор, – он является моим постоянным клиентом.

Последнюю фразу владелец ломбарда произнёс так, словно хотел показать под присягой: «Никакие мы не друзья».

– Утус Ласс Амнос заходил к вам вчера вечером?

– Да, около восьми часов.

Наконец-то! Туран быстро прикинул время. Если Влига Амноса убили в семь, то у Ласса Амноса было время сдать награбленное в ломбард и отправиться в «Золотой индюк».

– Предвижу ваш следующий вопрос: – быстро произнёс утус Панкор, – в качестве залога утус Амнос принёс золотые цепочку и серёжки. Я дал за них 250 виртов.

Туран вопросительно сдвинул брови.

– Об убийстве купца Влига Амноса сообщил «Курьер», я читаю утренние газеты. Неизвестный разбил голову Влига Амноса топором, вскрыл большой сундук с двумя тысячами виртов и похитил килограмм золотых украшений.

Газетчики, тиражей ради, как обычно слегка приукрасили действительность. Зато избавили от лишних расспросов.

– Скажите, – Туран поднял карандаш, – Ласс Амнос принёс вам золотую цепочку с кулончиком в виде змеи и серёжки в комплекте в виде змеек?

– Они самые.

Внешне утус Панкор ничуть не изменился, зато его эмоциональный фон аж позеленел от огорчения, будто ту самую банку ядрёной горчицы ему предстоит намазывать на листья тухлой капусты.

– К сожалению, – как можно более мягко заговорил Туран, – мне придётся изъять их для опознания. Угорой Юрлой Амнос они заявлены как украденные. Будьте добры.

Утус Панкор поплёлся в глубины «Последней надежды». Время от времени через узкое окошко долетало тихое сопение. От эмоционального фона владельца повеяло такой печалью, таким горем, будто в один день он похоронил любимых родителей, ещё более любимую маму жены, да ещё и землю за долги отдал.

Пока утус Панкор сопел, скрипел несгораемыми дверцами и стучал ящичками, Туран вытащил из портфеля чистый лист бумаги. Набросать акт изъятия дело одной минуты. Вот где пригодилась рутина. За пару месяцев довелось исписать столько бумаги, столько, что теперь простенький акт давно превратился в рутину.

– Вот они, – утус Панкор выложил на прилавок цепочку с кулончиком и серёжки. На миг над прилавком мелькнули его пухлые ладошки и чёрные нарукавники.

– Если желаете, то можете сами занести их в Управление полиции, – предложил Туран. – Вам всё равно предстоит явиться ко мне для дачи официальных показаний. Я выпишу вам направление.

Нехорошо получилось. Несложное следственное действие нанесло владельцу ломбарда урон в двести пятьдесят виртов. По закону украденные вещи подлежат возврату владельцу. Держатели заклада, как правило, остаются при собственных интересах, ибо с редкого вора получается страсти хотя бы вирт.

– Нет уж, забирайте, – утус Панкор с самым решительным видом отодвинул от себя золотые украшения.

Взамен пухленькая ладошка уволокла в недра ломбарда акт об изъятии.

– Так, подождите, – Туран поднял глаза на утуса Панкора, – а где остальное?

– Что вы имеете ввиду? – эмоциональный фон утуса Панкора покрылся льдом.

– Остальное. Неужели Ласс Амнос принёс вам только это? – двумя пальчиками Туран приподнял цепочку и серёжки.

– Только это, – утус Панкор качнул обоими подбородками. – Остальные драгоценности из сундука своего батюшки он закопал в лесу.

Голос владельца ломбарда сочится сарказмом. Действительно, если бы Ласс Амнос завладел содержимым несгораемого сундука своего отца, то вряд ли бы у него возникла нужда закладывать украшения матери, тоже, между прочим, краденные.

– Вы уверены, что Ласс Амнос ничего, кроме этой цепочки и серёжек, вам не приносил? – на всякий случай уточнил Туран.

– Абсолютно, – уверенность утуса Панкора подобна камню. – Я даже больше вам скажу: с некоторых пор младший Амнос регулярно таскает мне драгоценности своей матери. Эти цепочку и серёжки он приносил раза три-четыре.

– Неужели после каждый раз выкупал их обратно? – Туран сощурился.

– Куда там, – отмахнулся утус Панкор. – Обычно угора Амнос приходила за ними. Один раз утус Влиг Амнос явился сам. Причём, прошу заметить, ни она, ни тем более он, даже не пикнули о краже.

Вот оно что: когда городские ростовщики наотрез отказали Лассу Амносу в новых кредитах, он нашёл другой источник дохода – воровать украшения родной матери. Любящим родителям не осталось ничего другого, как выкупать их обратно. Прав старший Никар Амнос, ох как прав: младший Ласс тянет семью в пропасть. Влиг Амнос богатый купец, но не настолько же, чтобы каждый день давать глупому отпрыску по две зарплаты городского. Впрочем, на этот раз цепочку с кулончиком и серёжки Ласс Амнос всё же украл – будет чем надавить на него.

– Это ещё не всё, – пухлое личико утуса Панкора качнулась в узком окошке. – Ласс Амнос так же регулярно клянчит у меня деньги в долг. Просто так, под пустую бумажку с его фамилией.

– И даёте? – Туран изобразил на лице наивность.

– Ни за что! – утус Панкор гордо выпрямился и расправил плечи. – Заклад, проценты вперёд и никакой бумаги!

Потеря двух с половиной сотен виртов разозлила владельца ломбарда не на шутку. В подобном состоянии люди с превеликим удовольствием рассказывают друг о друге всякие гадости. В особо тяжёлом случае могут сдать родного отца с матерью в придачу. Нужно ловить момент, карандаш весело забегал по блокноту.

– Пишите, пишите, – утус Панкор ободрительно глянул на раскрытый блокнот. – Вот вам ещё материальчик: с месяц назад ко мне явился какой-то подозрительный тип с бегающими глазками и предложил выкупить долговые расписки Ласса Амноса под семьдесят процентов от номинала. Во нахал! За семьдесят процентов.

– И чего здесь такого? – Туран на миг оторвался от записи. – У вас ведь их всё равно нет.

Пухленький владелец ломбарда глянул на Турана так сурово, как строгий учитель на безнадёжного двоечника.

– Мастер Атиноу, вы ещё слишком молоды и неопытны. Если кто-то скупает долговые обязательства кого-то, это значит этот кто-то готовит большую пакость. Влигу Амносу ещё аукнется пагубная страсть младшего отпрыска к картам. Ну или тому, кто унаследует его капиталы, – торопливо уточнил утус Панкор.

Чем дальше в лес, тем больше дров. По ходу следствия всплывают всё новые и новые подробности. Что дальше? Заговор против императора? Или попытка отколоть Снорскую губернию от Тиллуры? Момент, момент, нужно ловить момент, пока владелец ломбарда болтлив, как базарная кумушка.

– Вот что, утус Панкор, – Туран положил карандаш на блокнот, – если вы располагаете свободным временем, то мы можем прямо здесь и сейчас оформить протокол допроса. Тогда вам не придётся наведываться в Управление. Вы согласны?

Утус Панкор внутренне напрягся. А владелец ломбарда не так прост, понимает разницу: одно дело мило беседовать со следователем и совершенно другое официально давать показания. Чего доброго, на суде выступать придётся. Неужели откажется? Туран внутренне напрягся. Но нет, в эмоциональном фоне утуса Панкора жёлтой полосой вспыхнула жадность. Две с половиной сотни виртов не дают ему покоя.

– Сочту за честь, – утус Панкор тряхнул обоими подбородками. – Тем более с утра ко мне редко кто заходит. Мои клиенты предпочитают вторую половину дня.

Во хитрец, Туран внутренне улыбнулся. Если владелец ломбарда хочет вернуть свои две с половиной сотни, то ему всё равно придётся принять участие в судебном разбирательстве. Если не с самого Ласса Амноса, то с его матери или старшего брата всё же можно будет стясти отданные в залог средства. А для этого не помешает быть со следователем в хороших отношениях. Особенно, если следователь мастер.

Туран вытащил из портфеля чистые листы. Всё же хорошо, что утус Бизин спихнул на него всю бумажную работу. Какая практика, во как пригодилось. За два месяца до автоматизма заучил строгие правила заполнения протоколов. Ни один прокурор или адвокат не подкопается.

– Пожалуйста, назовите полный адрес вашего заведения? – Туран макнул стальное перо в чернильницу.

– Улица Колбасный ряд, дом десять.

То и дело задавая уточняющие вопросы, Туран быстро заполнил протокол. Благо стенограмма под рукой. Утус Панкор внимательно, даже придирчиво, прочитал все без исключения листы, однако без лишних вопросов и даже напоминания написал: «С моих слов записано верно» и поставил заковыристую подпись.

– Благодарю вас за сотрудничество, – Туран убрал подписанные листы в портфель. – С вами приятно иметь дело.

– Всегда рад оказать полиции содействие, – утус Панкор качнул обоими подбородками.

– Всего вам хорошего, – на прощанье произнёс Туран.

На улице Туран вздохнул полной грудью от радости и облегчения. Дело об убийстве Влига Амноса быстро продвигается вперёд. Удалось найти часть похищенного и узнать несколько очень интересных подробностей. Ну а главное, Туран любовно погладил портфель, есть чем надавить на Ласса Амноса. Одно дело слова, пусть даже произнесённые со зверским выражением на лице, и совсем другое показания свидетелей, особенно родной матери.

Туран направился на Адмиральскую площадь в родное Управление полиции. Младший Амнос уже должен прийти в себя и страдать от дикого похмелья. Туран улыбнулся, надзиратели получили специальное указание не давать ему воды – маленький и не совсем чистый способ давления. А не фиг было нажираться до поросычьего визга.

Глава 10. Пытка похмельем

Материал на Ласса Амноса есть. Пусть его недостаточно, чтобы передать в суд и отправить на каторгу за убийство отца, но вполне хватает, чтобы надавить и показать якобы чрезмерную осведомлённость. А там дальше видно будет.

Арестантское отделение находится в цокольном этаже под южным крылом Управления полиции. По сути мрачный подвал с бетонным полом, голыми стенами и решётками на окнах. Да и сами окна находятся почти под самым потолком. Ужасного вида железные двери с глазками и деревянные нары без одеял и подушек. Один только вид свирепых надзирателей в чёрной форме со связками ключей на ремне кого хочешь загонит в депрессию и уныние.

Бетонная лестница в цокольный этаж словно преддверие ада. Туран остановился перед столом дежурного надзирателя, здоровенного мужика с чёрными усами и большущей дубинкой на правом боку.

– Ласс Амнос, доставлен вчера поздно вечером, очнулся?

– Так точно, мастер, – бодро ответил надзиратель. – С час тому назад. Барабанил в дверь, требовал объяснений и слёзно просил воды. Сейчас затих.

– Не давали?

– Никак нет, согласно вашим указаниям.

– Это правильно. Приведите его в камеру для допросов.

– Будет сделано.

Камера для допросов похожа на тюремную, только ещё хуже. Вместо деревянных нар под зарешёченным окошком стоит железный стол, стул с низкой спинкой и очень неудобная табуретка. Так называемая мебель наглухо вделана в бетонный пол. Керосиновая лампа под потолком освещает табуретку для допрашиваемого и часть стола. Пара толстых колец вделана в стену рядом с табуреткой.

В камере для допросов Туран положил на стол папку с бумагами. Мало радости работать в этом бетонном мешке. Наверху, в кабинете утуса Бизина, вести допрос куда приятней и комфортней. Зато полутёмная обстановка и железная мебель идеально подходят для давления на Ласса Амноса. Когда свет дневной с трудом пробивается сквозь прутья решётки, а на душу давят каменные своды, очень хочется сознаться даже в том, чего не совершал и о чём даже не слышал.

Правила арестантского отделения строго-настроено запрещают проносить в камеру для допросов какие-либо предметы, только Туран всё равно прихватил прозрачный графин с водой и стальную кружку. Для предстоящего представления нужен соответствующий реквизит.

Графин с водой Туран поставил на столик с таким расчётом, чтобы край светового пятна высветил его прозрачный бок и содержимое. Похмелье – страшная вещь. А не дать с утра опохмелиться – ещё хуже. Между тем

надзиратели заволокли в камеру Ласса Амнос и спорно усадили его на неудобный табурет.

Ростом и фигурой Ласс Амнос пошёл в мать, такой же невысокий и стройный. Дорогой сюртук изрядно помят и запачкан тюремной грязью. На холёном личике красными пятнами бегают глаза, а на белых щёчках шуршит чёрная щетина. Туран невольно усмехнулся: ну в аккурат дворянин недоделанный.

Лассу Амносу страшно, очень страшно. Вчера вечером он отрубился за карточным столом в любимом «Золотом индюке», а очухался в полутёмной тюремной камере на голых досках. От столь контрастного перехода у кого хочешь крыша поедет. Молчаливые надзиратели и полная неизвестность оптимизма не добавили.

Внутри Ласса Амнос полыхает самый настоящий пожар. Невообразимая жажда терзает его душу. Больше всего на свете ему хочется пить. Едва надзиратели усадили его на неудобный табурет, как он тут же впился глазами в графин с водой. Мысленно Ласс схватил его трясущимися руками и припал губами к горлышку. Вон как кадык задёргался.

В принципе, клиент созрел, допрос можно начинать, только Туран демонстративно раскрыл папку и уткнул нос в исписанные листы. При виде полицейского в штатском в душе Ласса Амнос мелькнул луч надежды. Наконец-то ему объяснят в чём дело и дадут воды. Не тут-то было. Полицейский в штатском занят гораздо более важным делом. Страх снова взял Ласса Амнос за горло. Причём так плотно, что жажда и жуткая головная боль отступили на задний план.

– Витус, умоляю! – сиплым от волнения голосом зашептал утус Амнос. – Где я? За что?

Вот теперь действительно можно начинать. Клиент не просто созрел, а выразил желание начать общение. Большая серая папка с грохотом упала на стол. Тяжёлым взглядом Туран уставился на Ласса Амнос.

– За что? Витус, – только и сумел пискнуть утус Амнос.

Вид у младшего Амнос очень жалкий: руки дрожат, сухие губы в трещинах. Паника того и гляди замочит ему штаны.

– Сознаться... – грозно протянул Туран, – будем?!

– В чём? – утус Амнос вжал голову в плечи.

– Отца родного убил, вот в чём!!! – что есть мочи гаркнул Туран.

Младший Амнос дёрнулся всем телом назад, стриженный затылок смачно ударился о кирпичную стену. Новость шокировала его. Ужас, безграничный ужас переполнил его настолько, что даже вытолкнул из души жажду и головную боль.

– Говори!!! Как отца родного дубинкой по голове оприходовал! Как мать родную обворовал! Как через окно сиганул! Всё говори!!! – Туран треснул кулаком по железному столу.

– Витус!!! – заголосил утус Амнос. – Клянусь! Не я!!! Не я!!! Великим Создателем клянусь, это не я! Не! Не!

Проклятье, Туран сжал губы, и в самом деле не он. Младший Амнос трясётся от страха, аж зубы стучат, но говорит правду. В голове у него нет мыслей ни вилять, ни увёртываться. Нужно зайти с другой стороны.

– Конечно не ты, – легко согласился Туран. – Кишка тонка! Нанял кого?!! Фамилия?!! Кличка?!! Сколько заплатил?!!

Ласс Амнос рухнул на колени.

– Не виноват я! – утус Амнос ухватился руками за край стола. – Не виноват! В мыслях не было отца родного! Не было!!!

– Нанял кого?

– Клянусь!!! Создателем Великим клянусь! – утус Амнос ударился лбом о край стола. – Не нанимал! Никого не нанимал! Сам не убивал! Клянусь!!!

Туран разочарованно выдохнул. Буря и натиск пропали зря. Врать в столь взвинченном состоянии, да ещё так убедительно, невозможно в принципе. Пусть нет никаких доказательств, но Ласс Амнос действительно не убивал отца ни лично, ни с чей-либо помощью.

– А кто?! – на всякий случай рявкнул Туран.

– Это всё Никар! Никар! Клянусь! – униженно залепетал утус Амнос. – Это он! Он! Мужик безродный! Грубиян невоспитанный! Он давно, давно сгубить меня хочет! И папу сгубить хочет! С него станется. Его! Его хватайте!!! Я дам показания, какие хотите.

Словно пёс побитый, Ласс Амнос понёс полную ахиною о злом брате, о горячо любимом батюшке и о ещё более любимой матушке.

– На место! – рявкнул Туран.

Словесный поток тут же оборвался, Ласс Амнос послушно запрыгнул на табуретку. Младший отпрыск богатого купца немного отошёл от шока. Пусть страх за собственную шкура по-прежнему мечется в его душе, но, между тем, он вспомнил и о жажде и о головной боли.

– А теперь подробно, повторяю, подробно, рассказывай, что ты делал вчера вечером после ужина, – Туран взял карандаш на изготовку.

– Видите ли, – залепетал утус Амнос, – я изобрёл систему, которая позволяет выигрывать в покер со стопроцентной гарантией. Ну, почти изобрёл. Осталось кое-что уточнить, доработать, подправить, немного совсем. И тогда точно можно будет выигрывать каждый раз. Если вы мне поможете, то я охотно поделюсь с вами её секретами. Всё верну, всё. С процентами хорошими, не сомневайтесь.

Едва речь зашла о любимом детище, как младшего Амноса будто подменили. И куда делся напуганный до мокрых портков подозреваемый? Вместо него на жёсткой неудобной табуретке появился увлечённый до крайности человек. Что самое смешное и печальное, Ласс Амнос по-детски искренне верит в свою систему. Верит, что однажды она пролёт на него золотой дождь, а заодно посрамит всех завистников и скептиков. Всего-то и нужно две, три, от силы пять сотен виртов. Никар Амнос как в воду глядел: Ласс Амнос – законченный игроман. Ничего дальше туза пик или двойки бубей он не видит и видеть не хочет.

– Молчать! – рявкнул Туран, утус Амнос послушно заткнулся. – Ты чего тут заливаешь? Если отца родного убил, то так и говори!

Маленькая эмоциональная взбучка вернула Ласса Амноса на грешную землю, он вновь превратился в напуганного подозреваемого.

– Никак нет, витус, не убивал я батюшку родного.

– Что после ужина делал?

– Так и я о том же: попросил папу немного помочь мне, а он отказал, – с печалью в голосе произнёс утус Амнос.

– Ближе к делу, – Туран с грозной миной на лице постучал указательным пальцем по железному столу.

– Ближе, ближе, – утус Амнос мелко затряс головой. – Когда папа в дурном расположении духа, он замыкается в себе. Тогда его легче пристрелить, нежели выпросить хотя бы вирт. Но деньги мне всё равно нужны. Тогда я поднялся наверх и посмотрел, не оставил ли он случайно вирт другой у себя в столе. К сожалению, не оставил, хотя раньше бывало. Тогда я пошёл к маме в спальню и позаимствовал цепочку, золотую, со змейкой и пару серёжек к ней.

– Прекратить!!!

Туран что есть силы стукнул кулаком по столу. Графин с водой и Ласс Амнос одновременно подпрыгнули.

– Опять врешь, – Туран недовольно засопел. – Рассказывай: как несгораемый сундук открывал, куда содержимое дел, где ключ взял?

Ласс Амнос опять побледнел от страха.

– Никак, никак не трогал я сундук папочкин. Даже в спальню не заходил. Нет у меня ключа и не было никогда. Папа его на шее носит. Всегда. Не даёт никому, никому. Я потому сразу к маме пошёл, за змейкой, в виде золота.

От страха Ласс Амнос начал заговариваться, путать слова. Но, чёрт побери, он говорит правду. Несгораемый сундук он и в самом деле не вскрывал. Паршиво.

– Понятно, дальше давай, – приказал Туран.

– Так вот, – утус Амнос судорожно сглотнул, – позаимствовал я у мамы цепочку с золотом и пошёл в ломбард «Последняя надежда». Он на улице Колбасный ряд находится. Там мне, это, две с половиной сотни дали...

– Ты хоть понимаешь, что Юрла Амнос, мама твоя, обвиняет тебя в краже этот самой цепочки и серёжек? – не удержался Туран.

– Не может быть? – лицо утуса Амноса вытянулось от удивления. – Мама мне всегда помогала. Не крал я у неё. Не крал! Заимствовал – да, но не крал. Я ей потом всё верну. Всё! Богатыми будем. В Навиру уедем. Пусть Никар в этом зачуханном Снорке остаётся. Самое место ему здесь.

Да-а-а... Ну что с него взять? Туран тихо вздохнул. Ласс Амнос настолько плотно подсел на игру, что полностью утратил представление о реальности. То, что он называет «позаимствовать», Уголовный кодекс однозначно трактует как преступное присвоение чужого имущества, то есть кража.

– Ладно, что дальше?

– Дальше? – утус Амнос несколько притих. – Дальше я пошёл в очень хорошее заведение под названием «Золотой индюк». Там меня очень хорошо знают, любят и уважают. Как обычно, я сел за столик к утусу Шелгину. Но, к сожалению, удача отвернулась от меня. Я играл, играл, старательно подсчитывал варианты, запоминал карты, но всё равно проиграл, – утус Амнос печально вздохнул.

Невероятно, Туран поставил в блокноте очередную точку, младший Амнос спустил за час месячное жалованье чиновника средней руки. Он даже не понимает, что значит для простого обывателя две с половиной сотни виртов.

– От огорчения я выпил немного лишнего, – утус Амнос шмыгнул носом. – В «Золотом индюке» игрокам подают великолепное вино. Южное, с берегов Лучезарного моря. А потом я пошёл спать. Я нередко ночую в «Золотом индюке». Там... Там есть такая комнатка, специальная. В ней можно хорошо поспать, если... Если идти домой не хочется. Ну а потом я проснулся у вас... в тюрьме.

Ласс Амнос уставился на вожделенный графин с водой. Печальная история о вчерашнем вечере успокоила его, зато с новой силой вспыхнула жажда. Да и голова трещать меньше не стала.

Младший сын купца приукрасил действительность как можно и как нельзя. Одно только вино в «Золотом индюке» и комнатка, специальная, чего стоят. Но, в общих чертах, он рассказал правду. Пора переходить к уточняющим вопросам.

– Хорошо, допустим, – Туран задумчиво постучал стальным пером по наполовину исписанному листу. – Откуда у вас взялись деньги и как вы их потратили, мне ясно. Согласно показаниям утусу Шелгина, крупье, вчера вечером за карточный стол вы сели в очень возбуждённом состоянии, играли нервно и чрезмерно налегали на вино. Почему?

От простого, казалось бы, вопроса, Ласс Амнос виновато потупил глазки. В его эмоциональном фоне замигало что-то вроде стыда. Или только показалось?

– Это всё Никар, братец мой, старший, расстроил меня, – нехотя признался младший Ласс.

– Каким образом?

– Когда я попросил папу немного помочь мне, деньгами, эта деревенщина неотёсанная тут же вспылал и потребовал у отца выделить свою долю в наследстве. Дескать, я плохо влияю на финансовое благополучие нашей семьи.

– И какое это имеет отношение к вашему эмоциональному состоянию?

– Как раз вчера днём папа опять пригрозил лишить меня наследства, если я не перестану, – эмоциональный фон утуса Амнос пошёл чёрными пятнами, – играть в карты. Папа и так слишком часто пугает меня. А тут ещё этот жмот Никар со своей долей. Расстроился я. Папино наследство нужно мне. Очень. Кредиторы перестали давать мне займы. А систему свою я ещё не довел до конца. Ошибаюсь, иногда.

Стальное перо едва успевает нырять в чернильницу и наносить на чистый лист всё новые и новые признания Ласса Амнос. Прости господи, Туран бросил взгляд на младшего сына купца. То со дня на день он собирается сказочно разбогатеть, то вспоминает о будущем и печётся об отцовском наследстве. Впрочем, кредиты отдавать надо, да ещё с процентами, бешеными. Ласс Амнос не сказал, что кредиторы докучают ему, как можно было бы ожидать. Нет, они только перестали давать ему новые кредиты. Что-то здесь не так.

– Скажите, вы в курсе, что кто-то скупает ваши долговые обязательства? – как бы невзначай поинтересовался Туран.

– Правда! – утус Амнос аж засветился от радости. – Умоляю! Найдите его! Значит, он верит в меня. Верит! Он даст займы. Вы так и передайте ему – под какой угодно процент. Под какой угодно!

Ну вообще ни в какие ворота! Туран взвёл глаза к небесам. Кто о чём, а вшивый о бане.

– Скажите, вы хоть знаете, кому и сколько оставили долговых расписок?

– Нет, – утус Амнос пожал плечами. – Не думал, как-то.

Святая наивность, Туран едва не бросил стальное перо на белый лист. Младший Амнос думает и не думает о деньгах постоянно. Думает, где бы их достать побольше, и не думает, что долги придётся отдавать. И кто он после этого? Ну ни как не тянет на убийцу. Ласс Амнос конченный игроман. Как горький пьяница пропивает каждый сови́рт, так и младший Амнос относит в «Золотой индюк» все без исключения деньги, которые только попадают ему в руки. Вряд ли нашёлся бы идиот, который согласился бы убить Влига Амнос «под какой угодно процент» или ради секретов «стопроцентной системы». Наёмные убийцы предпочитают наличные и до убийства, а не после.

Чистая, прозрачная вода наполнила металлическую кружку ровно наполовину. Туран протянул её Лассу Амносу. Младший сын убитого купца вцепился в кружку намертво и осушил её двумя большими глотками. Только, Туран сдержанно усмехнулся, половина кружки лишь раззадорила жажду младшего Амнос. Рано ему ещё спуск давать, рано.

Пока Туран скрипя пером заполнял протокол, младший Амнос сидел на неудобной табуретке тихой мышкой. Смелости потребовать хотя бы ещё половину кружки у него не хватило.

– Прочтите и распишитесь, – Туран протянул утусу Амносу заполненные листы.

Младший Амнос подмахнул листы не глядя. Гораздо больше его интересует графин с водой.

– Пей, – Туран двинул прозрачный графин на край стола.

Младший Амнос тут же прилип к узкому горлышку губами. Туран невольно улыбнулся. Эмоциональный фон Ласса Амнос переливается всеми цветами блаженства. Ему сейчас больше ничего не нужно, только пить, пить и ещё раз пить, принимать в себя обворожительную и невероятно вкусную влагу.

Ласс Амнос вылакал немаленький графин в один присест. На его лице застыла улыбка самого счастливого в мире человека.

– Надзиратель! – Туран отнял у младшего Амноса пустой графин.

Стальная дверь в камеру для допросов с грохотом и лязгом распахнулась.

– Увести, – коротко бросил Туран.

Дюжий надзиратель лихо подхватил Ласса Амноса под руки и рывком поставил на ноги. Лакированные ботинки только тихо щёлкнули по бетонному полу.

– За что? – Ласс Амнос едва не плачет. – Я же всё рассказал. Всё. Отпустите меня. Я домой хочу. К маме.

Хочет, не хочет, однако младший Амнос позволил надзирателю увести себя в камеру.

Настала пора подвести первые итоги, Туран убрал в портфель исписанные листы. А для этого лучше всего подняться в кабинет старшего следователя. Голову на отсечение, утус Бизин ждёт не дожждётся подробного доклада. С пустым графином в левой руке Туран вышел из камеры для допросов.

Глава 11. Первые итоги

Глава 12. На Срединной улице

Глава 13. На Набережной Свита

Глава 14. Трактир «Кило счастья»

Глава 15. На балу у губернатора

Глава 16. Утопленник

Глава 17. Ловля на живца

Глава 18. Вторые итоги

Глава 19. Ужин в «Навире»

Глава 20. Просветление

Глава 21. Логово вора-домушника

Глава 22. Деревня контрабандистов

Глава 23. Ночной налёт

Глава 24. Не самоубийство

Глава 25. Ключ от проклятых сокровищ

Глава 26. Трактир «Жирная селёдка»

Глава 27. Неудачное сватовство

Глава 28. Фактория нишранов

Глава 29. Два приятных известия

Конец.

Череповец, июль 2017 года.

Об авторе.

Разрешите представиться: Волков Олег, писатель.

В Интернете много самых разных писателей профессиональных и талантливых. Но и мне есть чем похвастаться.

Главная особенность моего творчества в том, что я стараюсь писать не только красиво, а ещё реалистично, насколько такое вообще возможно в фантастике как в литературном жанре. В моих произведениях вы не найдёте ляпов, багов, глупостей и подгонки желаемого под действительное. Поверьте: на этом поприще у меня крайне мало конкурентов. Ведь даже в произведениях мэтров российской фантастики полно несуразностей.

Сюжеты своих произведений я моделирую самым тщательным образом. Никогда и ни за что не приношу правдивость и реалистичность в жертву глупой зрелищности и супергеройству. Не злоупотребляю постельными сценами и шутками ниже пояса.

Другая особенность моего творчества в том, что практически все свои книги я укладываю в несколько литературных миров. Иначе говоря, обожаю писать серии, подсерии, трилогии и тетралогии. Не исключено, что со временем доберусь и до пенталогии.

Надеюсь, вам понравится.

Мой авторский сайт:

«Библиотека реалистичного фантаста» (<http://www.volkov-o-a.ru/>).

Я в социальных сетях.

«ВКонтакте». (<http://vk.com/id347725778>)

«Фейсбук». (<https://www.facebook.com/profile.php?id=100011252619544>)

«Живой журнал». (<http://volkov-o-a.livejournal.com/>)

Skype: volkov-o-a